

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ

*“ловите голубиную
ТАКЖЕ.”
почту...”*

В. Аксенов
PIGEONS

ПИСЬМА [1940–1990 гг.]

MAIL

Письма писателей

Василий Аксенов

**«Ловите голубиную почту...».
Письма (1940–1990 гг.)**

«АСТ»

1940-1990

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос=Рус)

Аксенов В. П.

«Ловите голубиную почту...». Письма (1940–1990 гг.) /
В. П. Аксенов — «АСТ», 1940-1990 — (Письма писателей)

Самый популярный писатель шестидесятых и опальный – семидесятых, эмигрант, возвращенец, автор романов, удостоенных престижных литературных премий в девяностые, прозаик, который постоянно искал новые формы, друг своих друзей и любящий сын... Василий Аксенов писал письма друзьям и родным с тем же литературным блеском и абсолютной внутренней свободой, как и свою прозу. Извлеченная из американского архива и хранящаяся теперь в «Доме русского зарубежья» переписка охватывает период с конца сороковых до начала девяностых годов. Здесь и диалог с матерью – Евгенией Гинзбург, и письма друзьям – Белле Ахмадулиной и Борису Мессереру, Булату Окуджаве и Фазилю Искандеру, Анатолию Гладилину, Иосифу Бродскому, Евгению Попову, Михаилу Рошину... Книга иллюстрирована редкими фотографиями.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос=Рус)

© Аксенов В. П., 1940-1990
© АСТ, 1940-1990

Содержание

Документы эпохи	7
I. Анфан террибль и его родители	10
Выбранные места из писем Евгении Гинзбург и Павла Аксенова	13
Василию Аксенову	
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	13
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	14
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	16
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	18
Павел Аксенов – Василию Аксенову	20
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	21
Павел Аксенов – Василию Аксенову	23
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	24
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	26
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	27
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	28
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	29
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	31
Павел Аксенов – Василию Аксенову	32
Павел Аксенов – Василию и Майе Аксеновым	34
II. «Что делать, если зараза въелась крепко...»	37
Переписка Василия Аксенова с Евгенией Гинзбург	39
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	39
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	39
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	40
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	41
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	41
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	43
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	43
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	45
Евгения Гинзбург – Василию Аксенову	46
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	47
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	47
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	48
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	48
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	49
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	49
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	51
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	51
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	52
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	53
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	54
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	55
Из письма Василия Аксенова – Евгении Гинзбург	56
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	56
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	56
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	57

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	58
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	59
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	60
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	60
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	61
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	62
Василий Аксенов – Евгении Гинзбург	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Василий Аксенов

«Ловите голубиную почту...».

Письма (1940–1990 гг.)

В книге использованы фотографии из семейного архива В. П. Аксенова, переданного наследниками на хранение в «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына», архивов А. П. Аксеновой (ФТМ), В. Л. Кондырева, Е. А. Попова, А. А. Кабакова, В. М. Есипова, а также работы В. Ф. Плотникова, М. Н. Пазия.

Благодарим также Эллендею Проффер-Тисли за разрешение на публикацию фотографий из ее личного архива.

Издательство и составитель благодарят всех авторов писем и их наследников за разрешение на публикацию, а также А. В. Аксенова, А. А. Змеула, О. А. Муравьеву за помощь в подготовке книги.

© Все права на произведения, помещенные в этой книге, принадлежат авторам и их наследникам

© Есипов В. М., составление, предисловие, комментарии

© Аксенов В. П., наследники

© Гинзбург Е. С., наследники

© Издательство АСТ

Документы эпохи

Настоящая книга посвящена эпистолярному наследию Василия Аксенова, сохранившемуся в американском архиве писателя. Письма зрелого Аксенова, написанные со свойственными ему литературным блеском и абсолютной внутренней свободой, составляют неотъемлемую часть его творчества.

Вместе с аксеновскими письмами в книге публикуются письма его корреспондентов, хранящиеся в том же архиве. Собранные вместе, они и составили книгу, которую вы сейчас держите в руках.

Переписка охватывает период времени от конца сороковых до начала девяностых годов прошлого века. Открывается книга письмами отбывших лагерные сроки родителей – Евгении Семеновны Гинзбург и Павла Васильевича Аксенова – к своему юному отпрыску. О значимости этих писем для Василия Аксенова свидетельствует тот факт, что они всегда были с ним. И при отъезде в эмиграцию он взял их с собой. Потому они и оказались в его американском архиве. Вообще, эта переписка весьма обширна и при этом в большей своей части носит слишком частный характер. Поэтому в настоящей книге, как и при первой публикации в журнале «Октябрь» (2013, № 8), она дается в сокращенном виде: начинается письмом Евгении Гинзбург от 1 октября 1953 г. и заканчивается письмом Павла Аксенова от 27 ноября 1957 г. Письма Василия Аксенова этого времени не сохранились.

Столь же объемна идущая следом переписка Василия Аксенова с Евгенией Гинзбург, продолжавшаяся с конца пятидесятых до середины семидесятых годов. В этой переписке как в зеркале отражен процесс постепенного становления из, в общем-то, вполне рядовых советских граждан, двух самобытных и ярких писателей, с собственным, противостоящим государственной идеологии взглядом на мир. Завершается переписка с матерью своего рода приложениями: предисловием Василия Аксенова к книге «Два следственных дела Евгении Гинзбург» (1994), путевыми записями Евгении Гинзбург при совместной с сыном поездке во Францию (осень 1976 г.).

Значительная часть писем Аксенова, относится ко времени его эмиграции. Как известно, его вынудили уехать из страны в июле 1980-го после скандала с альманахом «Метрополь». Ведь он был лидером группы писателей и поэтов, осмелившихся издать (в двенадцати экземплярах!) этот альманах без разрешения властей и, следовательно, без всякой цензуры. Со стороны литературного начальства последовали репрессии: два молодых участника альманаха Виктор Ерофеев и Евгений Попов были исключены из Союза писателей. В ответ на это Василий Аксенов (одновременно с Инной Лиснянской и Семеном Липкиным) сам вышел из Союза и тем самым вступил в открытую конфронтацию с властями. Печататься на родине он больше не мог, нужно было уезжать. Перед отъездом на него и его жену Майю было совершено покушение, которому посвящен отдельный эпизод в последнем законченном романе писателя «Таинственная страсть». К счастью, супруги не пострадали – спасло водительское мастерство Аксенова...

Официально Аксенов выехал из страны для чтения лекций по русской литературе в иностранных университетах, однако через несколько месяцев после отъезда его лишили советского гражданства (была в то время такая мера наказания непослушных граждан!).

Важнейшая часть эпистолярного наследия Василия Аксенова представлена в третьем разделе книги, это его переписка в годы эмиграции (1980–1986) с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером, оставшимися на родине, в ней также принимала участие жена Аксенова Майя. Переписка велась через корреспондентов американских газет или американских дипломатов, в основном через культурного атташе посольства США в Москве Пика Литтла и его жену Би Гей, а затем через сменившего его на этом посту (летом 1983-го) Рэя Бенсона и его жену Ширли.

Другой возможности для переписки не было, потому что письма советских граждан в США, посылаемые по почте, перлюстрировались, шли долго (до двух месяцев), а до таких адресатов, как Василий Аксенов, просто не доходили.

Связующим звеном между этой перепиской и следующим разделом служат извлечения из записок Майи Аксеновой, относящиеся к осени 1980 года и сделанные в Анн-Арборе (штат Мичиган, США).

Особо выделены в книге два письма Василия Аксенова к Иосифу Бродскому от 29 ноября 1977-го и 7 ноября 1984 года. Весьма уместно было бы поместить перед ними два письма Бродского, которые сохранились в аксеновском архиве. Но разрешения на их публикацию не удалось получить от правопреемников поэта.

А жаль! Письмо Бродского от 28 апреля 1973 года написано в самом начале эмигрантского периода его жизни. Письмо еще вполне дружественное, о чем можно судить по его начальным строкам: «Милый Василий, я гадом буду, ту волшебную ночь с гвинейским попугаем, помню <...> Что я когда-нибудь тебе письмо из Мичиганска писать буду, этого, верно, ни тебе, ни мне в голову не приходило, что есть доказательство ограниченности суммы наших двух воображений, взятых хоть вместе, хоть порознь».

Письмо содержит интересные размышления Бродского о творческом потенциале старого друга, каким он ему представляется. В частности, он пишет Аксенову: не стоит «пытаться обставить Зошенку, Набокова, Сэлинджера (как все про тебя говорят) или даже Джойса. Единственный человек, которого надо пытаться – это Беккет».

Для этого, по мысли Бродского, Аксенову нужно отказаться от ритмической прозы и от остроумия, и «вообще от всего того, что приятно делать».

«Я это говорю именно тебе, – пишет Бродский, – потому что у тебя есть необходимый для этого дела душевный опыт, который тебе же на мозги давит, потому что остается нереализованным, ибо ирония с душевным опытом (почти) ничего общего не имеет...»

В связи с невозможностью воспроизвести письма Бродского, публикация начинается письмом Василия Аксенова к нему, написанным через четыре с половиной года после получения письма из «Мичиганска».

Иосиф Бродский за это время стал в США уже достаточно влиятельным человеком во всем, что связано было с публикацией книг на русском языке, своего рода экспертом по русской литературе. До Аксенова дошел неблагоприятный отзыв Бродского о романе «Ожог». Этой теме, собственно, и посвящено первое письмо Аксенова. Оно тоже еще достаточно дружеское, аксеновская интонация вполне снисходительна по отношению к более молодому литературному коллеге, но в нем уже есть следы с усилением сдерживаемой обиды. Позднее, когда Аксенов тоже окажется в эмиграции, все это приведет к полному разрыву отношений между ними. Этот разрыв предельно четко обозначен во втором письме Василия Аксенова, которое является ответом на письмо Иосифа Бродского от 28 октября 1984 года.

В следующем разделе представлена переписка, связанная с калифорнийской конференцией по русской литературе в мае 1981 года. Подготовка к ней выявила глубокие противоречия между разными группами писателей-эмигрантов из России. Показательны в этом смысле письма Владимира Максимова из Парижа, в которых он, ища в лице Василия Аксенова союзника, высказывает претензии и упреки своим литературным противникам. Подобные же письма, с укоризнами и упреками, получал из Парижа Сергей Довлатов от Владимира Марамзина. В связи с этим Аксенов 26 апреля 1981 года в характерном для него ироническом тоне пишет Довлатову: «Ползет большевистско-монархический туман из Парижа к нашим пасторальным берегам...» Эту переписку в качестве приложения завершают извлечения из записок Майи Аксеновой, относящиеся ко времени конференции.

В разделе «Письма друзей» публикуются письма Анатолия Гладилина, Георгия Владимова, Инны Лиснянской, Семена Липкина, Булата Окуджавы, Анатолия Наймана, Евгения

Попова и др., написанные в основном в 80-е годы прошлого века. В них друзья делятся с Аксеновым литературными, политическими и прочими новостями об отечестве. Приложение к этому разделу состоит из ответов друзей и коллег Аксенова на анкету, составленную им для них во время пребывания в Калифорнийском университете весной 1975 года.

Затем идут письма Павла Васильевича Аксенова к сыну-эмигранту (1981–1982). Главная тема писем отца, его мечта и его надежда – еще хоть раз увидеться с сыном.

В разделе «Из официальной переписки» представлены письма Василия Аксенова в руководящие органы Союза писателей (1967–1977). Они дают довольно полное представление не только о его общественной позиции, но и о формах административного давления на писателя, не желающего играть по предписанным ему правилам.

Завершает книгу приложение, состоящее из двух небольших аксеновских мемуаров, связанных с общественно-политическими проблемами в Советском Союзе, под общим названием «Кто является истинными героями современной России?», а также его малоизвестный текст «Матушка-Русь и игривые сыночки», опубликованный в первом русском выпуске журнала Playboy летом 1995 года.

Вступительные заметки к разделам книги, а также комментарии, уточняющие фактическую сторону дела и обстоятельства воспроизводимой переписки, принадлежат составителю.

Виктор ЕСИПОВ

І. Анфан террибль и его родители

Подготовка настоящей публикации не могла не вызывать противоречивые чувства. С одной стороны, невозможно было избежать ощущения, что в твоих руках волею судеб оказалась частная семейная переписка с массой бытовых и материальных подробностей, которые обычно не принято делать достоянием публики.

С другой стороны, большая часть этих писем принадлежит писательнице, будущему автору «Крутого маршрута», книги, снискавшей признание не только в России, но и далеко за ее пределами, другая часть – человеку тоже далеко не заурядному и тоже с незаурядной судьбой; оба они, наконец, родители будущего писателя с мировым именем – Василия Аксенова. И с этой точки зрения их письма к сыну – бесценный материал для будущих биографов Василия Аксенова. Кроме того, они интересны не только как явление литературное, но и как явление историческое – по ним наглядно воссоздается картина отошедшей в прошлое жестокой эпохи. Немаловажным представляется и тот факт, что Василий Аксенов хранил эти письма всю жизнь и даже взял их с собой при отъезде в эмиграцию.

Есть и еще один аспект, придающий переписке особый интерес: эпистолярное общение Евгении Гинзбург и Василия Аксенова помогает им обоим прийти к творчеству, осознать себя писателями. Не случайно и ее, и его литературные дебюты осуществились независимо друг от друга примерно в одно и то же время, в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов прошлого века...

Последние соображения автору этих строк и редакции журнала «Октябрь», где первоначально были напечатаны выбранные места из этой переписки, а теперь и «Редакции Елены Шубиной», где эти письма вошли в состав настоящей книги, представились все-таки более важными – именно поэтому они и предлагаются вниманию читателей.

Несмотря на то, что годы лагерей и ссылок окончательно разъединили родителей Василия Аксенова, они оба солидарно и согласованно наставляли своего отдаленного от них немалыми расстояниями отпрыска на «путь истинный», что не всегда находило понимание с его стороны.

При чтении этой уникальной переписки открывается известная всем временам ситуация «отцов и детей». Родителям, ярким представителям своего поколения, пережившего революцию, войны, коллективизацию, индустриализацию, массовые репрессии и реабилитацию, хотелось, чтобы сын унаследовал именно их мысли и представления о жизни, а он принадлежал уже к совсем другому времени. К тому же, хотя мы не располагаем ни одним ответным письмом самого Василия Аксенова, даже из родительских писем к нему возникает ощущение человека, обладающего уже довольно сильным характером и имеющего твердое понимание того, что ему нужно, а что нет. И действительно. Он уже многое испытал: сиротство, участь сына «врагов народа», лишения военных лет и скудный быт лет послевоенных, он уже в полной мере ощущал мертвящий дух повседневной советской казенщины и всем существом восставал против него. А тут еще воспоминания военного детства об американской помощи по ленд-лизу: вкус настоящей тушенки, крепкие джинсы, неснашиваемые башмаки. Да еще американский джаз, занесенный в провинциальную Казань неведомо откуда взявшимися Олегом Лундстремом и его оркестрантами!..

Студент Казанского, вскоре Ленинградского медицинского института в начале переписки, а позже – молодой врач, Василий Аксенов был стилигой по убеждению, вместо солидной карьеры врача мечтал (чтобы посмотреть мир) устроиться медиком на суда дальнего плавания, влюблялся, по мнению родителей, не в тех девушек. При этом и политические взгляды сына были уже куда более радикальными, чем у его прошедших лагеря и тюрьмы, но еще сохранявших верность коммунистическим иллюзиям родителей. Поэтому их сообщения о восстано-

лении в коммунистической партии, как и совет матери вступить в партию ему самому, вряд ли могли вызвать у него воодушевление.

Евгения Семеновна переживала пристрастия и увлечения сына (особенно его приверженность к «стиляжеству») очень эмоционально, порой слишком драматизировала житейскую ситуацию. Очень больно ранило ее, что сын месяцами не отвечает на ее взволнованные письма. Характер ее претензий к сыну и опасения за его судьбу отразились в письме от 25 июня 1954 года к младшей сестре Наталье Соломоновне Гинзбург, которая жила в Ленинграде:

«Родная моя Наташа! Сегодня тебе по порядку о всех художествах моего младшего отпрыска. 15-го числа получаю от него телеграмму: „Экзамены сдал, есть возможность поехать на практику в Магадан. Срочно высылай деньги“. Я высылаю ему четыре тысячи и жду. На мое сиротское счастье идет стена дождей и туманов, четыре дня подряд нет летной погоды. Я нервничаю, три дня езжу на аэродром, а он валяется в Якутске, в Охотске в ожидании погоды. Наконец после недельных тревог и страданий, 23/VI, в 5 ч. вечера он прилетает, пробыв в дороге шесть дней вместо двух.

И что же оказывается? Оказывается, что ему никто не давал сюда направления на практику, наоборот, ему была назначена для практики Казань, но он, проехав четыре дня, решил, что можно уехать сюда, пройти практику здесь, а потом поставить директора перед фактом. Ход рассуждений у него такой: во-первых, там могут не заметить, что он исчез, т. к., дескать, дело организовано бестолково, суматошно и могут вообще не заметить, что одного не хватает. Во-вторых, если и заметят, то Марик Гольдштейн¹ обещал ему через своего папу все замазать и уладить, а кроме того, он ведь переводится в Ленинград, а там, мол, будет совершенно безразлично, пройдена ли практика в Казани или в Магадане – лишь бы была практика.

Можешь себе представить, как меня порадовали эти известия. Я в ужасе. Дать против себя такой козырь в руки этому тупому и мстительному директору², который его ненавидит. Самовольно уехать с практики! Конечно, я бы никогда не послала денег и не разрешила поездку, если бы знала эти обстоятельства.

Я надеялась, что тяжелые испытания, пережитые им в этом году³, хоть немного образумят его, заставят повысить чувство ответственности, отказаться от этого идиотского „стиля“ и прочих клоунских выходок. Но не тут-то было! Если бы ты видела, в каком виде он прилетел! На нем была рубашка-ковбойка в цветную клетку, сверху какой-то совершенно немыслимый пиджак тоже в клетку, но мелкую. Этот балахон невероятной ширины с „вислыми“ плечами (он меня информировал, что это последний крик моды!). Ну просто – рыжий у ковра! Для довершения очарования – ситцевые штаны, которые ему коротки, а вместо головного убора – чудовищная шевелюра, передние пряди которой под порывами магаданского ветра свисали до подбородка.

Мне было стыдно перед моими учениками-выпускниками, которые были тут же, на аэродроме, в ожидании самолета на Москву. Они с таким интересом хотели видеть моего сына. . .»⁴.

Весьма красочное описание любимого сына, приправленное изрядной долей сарказма!

При этом Евгения Семеновна постоянно делилась с Василием впечатлениями от прочитанного (стихов и прозы), от увиденных кинофильмов, и, конечно, своим жизненным опытом (см., например, письмо от 28 февраля 1955 года).

---

¹ Марк Гольдштейн – товарищ по Казанскому мединституту.

² Рустам Аллямович Вяселев (1900–1967) – директор Казанского мединститута, профессор («обаятельный и мудрый человек с мягкой улыбкой», – читаем в Интернете); дважды исключал Василия Аксенова из института, потому что тот уже находился в разработке органов госбезопасности как сын «врагов народа». Формальной причиной отчисления была анкета, заполнявшаяся Аксеновым при поступлении в институт, – абитуриент не указал, что его родители репрессированы.

³ Василий Аксенов дважды, по совету матери (см. ее письмо от 7.05.54), ездил в Москву, в Министерство здравоохранения, где обжаловал действия директора Вяселева. В Министерстве сочли решения директора не соответствующими времени (уже шла реабилитация незаконно репрессированных) – Аксенова дважды восстанавливали в институте.

⁴ Конец письма утерян.

Сквозной темой ряда писем Евгении Гинзбург является проблема теплого зимнего пальто, которое у Василия постоянно куда-то пропадает, а взамен появляется «стиляжная хламида». Все это нашло отражение в позднем рассказе Василия Аксенова «Три шинели и Нос» (1996), где герой рассказа признается: «Я ненавижу свое зимнее пальто больше, чем Иосифа Виссарионовича Сталина. Это изделие, казалось, было специально спроектировано для унижения человеческого достоинства: пудовый драпец с ватином, мерзейший „котиковый“ воротник, тесные плечи, коровий загривок, кривая пола. Студенты в этих пальто напоминали толпу пожилых бюрократов».

И, конечно, вместо добротного советского «изделия» появлялось из комиссионки заношенное до дыр пальтишко «верблюжьего цвета», с которого «свисал пояс с металлической, не наших очертаний, пряжкой»: «На пряжке внутри фирменные буквы: Jennings! Внутренние органы неприлично заторопились. Пряжка с зубчиками. Пояс немного залохматился. Это из-за зубчиков, так и полагается. Да ему сто лет этому пальтишке, молодой человек. Послушайте, дорогая девушка, будьте человеком, отложите его для меня! Я через два часа, через час, приду с деньгами! Ну, вы комик, молодой человек! Да вы хоть примерьте» («Три шинели и Нос»).

Это будет написано Аксеновым более сорока лет спустя, а пока магаданскими зимними ночами Евгении Гинзбург не спится после получения от сестры известий, что ее Вася кашляет и мерзнет от холода в далеком Ленинграде...

Отец, как это свойственно мужчинам, относился к перипетиям сыновней жизни более снисходительно и терпимо, его письма нередко выдержаны в шутовском тоне. Но изредка встречаются и жесткие отповеди (см. письмо от 22 апреля 1955 года).

Павел Васильевич твердо уверен, что предназначение сына – это избранная им специальность врача⁵, и не советует ему отклоняться от намеченного пути. Любопытно в этом смысле его замечание по поводу литературных интересов сына – в письме от 27 ноября 1957 года Василию и его жене Кире он пишет:

«Что касается литературы, то я хотел бы сказать вот что. В силу определенных причин Вася едва ли будет играть серьезную роль на литературном поприще».

Что подразумевал Павел Васильевич под «определенными причинами», трудно сказать, возможно, анкетные данные Василия, – не верил, что сыну репрессированных родителей позволят стать известным писателем. К счастью, он ошибся.

Но эта сентенция отца относится уже к более благополучному периоду жизни сына.

Василий Аксенов уже женат и живет в Москве. В столицу он переехал из поселка Вознесенье Ленинградской области, где недолгое время проработал главврачом местной больницы.

Это завершающее переписку письмо выглядит предпосылкой к счастливому финалу эпистолярной драмы, действие которой будет разворачиваться перед читателями публикуемых писем.

---

⁵ Профессия врача, как это уже не раз отмечалось, была выбрана по совету матери и ее третьего мужа, которые не сомневались, что сына «врагов народа» рано или поздно тоже ожидает лагерь, а участь врача в лагере легче, чем у прочих.

Выбранные места из писем Евгении Гинзбург и Павла Аксенова Василию Аксенову

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 1 октября 1953 г.

Дорогой Васенька!

Получила твое послекурортное письмо. Надеюсь, и ты получил мое, в котором описаны все последние события моего существования. Я уже писала тебе, что преподаю в вечерней школе № 1 (здание вашей школы) и что страшно охрипла. Более месяца болею ужасным ларингитом и только вот за последние 2–3 дня наметилось некоторое улучшение. Не знаю уж, что этому причиной – гомеопатический ли «Джек на кафедре»⁶ или просто горло привыкать стало к ежедневной нагрузке. Нахожусь в постоянном страхе, как бы это не обострилось до такой степени, чтобы сорвать мой педагогический кусок хлеба, с таким трудом обретенный вновь.

Кстати, об этом куске. Оказалось, что педагогический стаж в ВУЗах для школы на засчитывается или, вернее, засчитывается только в том случае, если наряду с вузовским стажем есть стаж школьной работы. В связи с этим мне необходимо все же достать два свидетельских показания о том, что я преподавала в опытно-показательной школе при пединституте. Это составляет такую значительную разницу в зарплате, что я решила этого добиться. Поэтому прошу тебя передать тете Ксене⁷ прилагаемую записку и, со своей стороны, сделать все возможное для того, чтобы эти два свидетельские показания (обязательно нотариально заверенные) были мне присланы как можно скорее. Пусть тетя Ксения постарается, и я ее не забуду.

В записке к ней я пишу, к кому надо обратиться. Справки должны быть даны преподавателями, работавшими одновременно со мной. В записке к ней я называю тех, кто еще, возможно, жив и работает в Казани.

Твое письмо, говоря откровенно, не очень меня удовлетворило. На нем печать торопливости, чувствуется большая оторванность и большая «отвычка» от меня⁸. Что касается до его деловой части, содержащей финансовый отчет, то и она меня не порадовала. Три тысячи ушло на поездку – ну, это еще ладно, хоть на юг съездил! Но эта перманентная история с пальто, которые мы ежегодно покупаем и которых у нас никогда нет! Теперь еще особенно ясно. Как права была Наташа⁹, говоря, что твое «стильное пальто»¹⁰ – старая тряпка. А ведь на него ушла стоимость двух пальто + тысяча дополнительно.

Возьми с книжки полторы тыс. и купи простое и добротное зимнее пальто. Ни в коем случае не ходи зимой в осеннем. Сообщи мне точно и правдиво, сколько денег у тебя останется на книжке после этой покупки. Неужели Антон¹¹ прав, и ты их уже все растранижил? Вася, пойми, что у нас сейчас совсем не то, что тогда, в этом вопросе, совсем.

Пальто купи обязательно. Я так боюсь, что ты будешь опять мерзнуть. Посылку с бельем и брюками скоро получишь, я ее собираю для тебя.

---

⁶ Гомеопатическое средство – шарики трилистника. См.: «Крутой маршрут».

⁷ Ксения Васильевна Аксенова (1895–1983) – старшая сестра Павла Васильевича; в ее семье прошли детские годы Василия Аксенова после ареста родителей в 1937 году.

⁸ В 1949 году Василий Аксенов приезжал в Магадан, к матери, где окончил десятый класс и получил аттестат зрелости, после чего вернулся в Казань и поступил в медицинский институт.

⁹ Младшая сестра Евгении Семеновны. См.: вступительную статью.

¹⁰ Истории с пальто. См.: вступительную статью и рассказ Василия Аксенова «Три шинели и Нос».

¹¹ Антон Яковлевич Вальтер (1899–1959) – третий муж Е. С. Гинзбург, приверженец гомеопатии. См.: о шариках «Джек на кафедре».

Работаю сейчас как вол. И школа, и беготня по частным урокам. А ведь годы уже не те, да и биография не из таких, что способствует сохранению бодрости. Умоляю тебя заниматься серьезно и к январю восстановить себе право на стипендию. Сегодня-завтра должна приехать Акимова¹², тогда я, получив более подробные сведения о тебе, напишу тебе еще.

Пришли свои сочинские фотографии.

Вася, ты мне так и не отвечаешь на вопрос о Фиме¹³, который я задаю пятый раз: передал ли ты ей шаль и оставшиеся ее 100 р.? Как ее самочувствие? Меня очень мучает совесть, что я ей последнее время ничего не посылаю. Напиши о ней подобно. Хочу в следующем месяце что-нибудь выкроить и для нее. Паша¹⁴ все в том же бедственном положении. С сенокоса вернулся совсем больным. Живет, в основном, на те 300 р, которые я посылаю ему аккуратно, ежемесячно. <...> Есть у нас одна неплохая новость: Антону вернули паспорт, который у него отобрали в феврале, во время, так сказать, нашего кульминационного пункта. Ему здешние власти хотели оформить тогда вечное поселение на Колыме, но Москва этот проект не утвердила, и сейчас он снова – полноправный гражданин, может ехать, куда хочет. <...>

Ну, Василек, целую тебя и благословляю. Не забывай, что у тебя есть мать, которая день и ночь думает о тебе.

Мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 7 мая 1954 г.

Дорогой Васенька!

Только что получила твоё письмо от 28/IV и, можешь себе представить, как я потрясена. Я все последнее время чувствовала, что что-то опять неладно, ведь не может же быть, чтобы ты совсем забыл меня, не писал мне. Я и А. Я.¹⁵ говорила: «а нет ли там снова каких-нибудь осложнений?», но он, конечно, только обрушивался на меня за это с разоблачениями моего пессимизма. А оказывается, что материнское сердце – самый верный барометр! Судя по тому, что нет ответа на мою телеграмму, факт уже свершился¹⁶. Что же нам делать дальше? Я не могу и представить себе, что там ему ответили и откуда¹⁷. В МВД были за тебя, когда я туда обращалась. Наверно, это они запросили отдел кадров, а оттуда ответили формально, что, мол, тогда, в 50 г., мы еще не имели права на эту льготу¹⁸, т. к. тогда у меня еще поражение не кончилось.

Так ведь они и мне отвечали. Но ведь я уже 3 г., как имею все эти права, и новая справка от ГОРОНО¹⁹, которую я послала тебе, ведь не вызывает никаких сомнений. Видимо, этот директор имеет что-то против тебя и ищет только предлога. Как плохо, что ты не смог на каникулах оформить перевод в Л-град²⁰.

Но почему ты не пишешь мне все это своевременно? Ведь, м.б., я что-нибудь смогла бы опять сделать. Есть ли у тебя последняя справка от гороно (моя) или ты ее им сдал? Я попробую

---

¹² Зинаида Васильевна – приехала в Магадан с сыном Юрием к находящемуся на поселении мужу. См.: письмо Е. С. Гинзбург от 19.10.54 и прим. Здесь имеется в виду ее возвращение из поездки в Казань.

¹³ Евфимия, няня Василия Аксенова до ареста родителей.

¹⁴ П. В. Аксенов, находился после лагеря на поселении в Красноярском крае.

¹⁵ Антон Яковлевич Вальтер.

¹⁶ Аксенов был исключен из института. См.: прим. к вступительной статье.

¹⁷ Директору Казанского мединститута.

¹⁸ Имеется в виду льгота при поступлении в институт для абитуриентов с Крайнего Севера, которой воспользовался В. Аксенов.

¹⁹ Из Магадана, где В. Аксенов получил аттестат зрелости.

²⁰ В Ленинградский медицинский институт, куда Аксенов переведется осенью.

достать еще одну такую, но теперь мне будет труднее, т. к. теперь новый зав. гороно, который меня еще не знает.

Это просто какой-то ужас, это идет в разрез со всем, происходящим в стране²¹. Если, не дай Бог, это совершившийся факт, то ты должен немедленно ехать в Москву и добиваться приема в самых высших инстанциях.

Мое положение, наоборот, как будто улучшается. Я получила из Военной прокуратуры еще одну бумажку, что дело мое пересматривается, здесь, на работе ко мне проявляют исключительное уважение – включили меня во все экзаменационные комиссии на аттестат зрелости не только по литературе, где я являюсь основным экзаменатором, но и по истории, и не только в нашей школе, но и в других. Папино дело тоже послано на пересмотр, о чем он получил извещение от Президиума Верх. Совета. И в это время сын подвергается какой-то травле со стороны людей, имеющих высшие должности, но подлые сердца.

Добивайся приема у Маленкова или Ворошилова, иди в ЦК Комсомола, заручившись, понятно, рекомендациями своей организации, а то Наташа²² мне писала, что ты тогда их так и не достал. Вася! У меня уже больше нет сил все переживать. Я чувствую, что конец мой близок, и то борюсь, борюсь ради тебя... А ты молод, полон сил, будь же энергичен в отстаивании своих интересов. Осознай, как будет ужасна твоя судьба, если ты останешься недоучкой. Кроме того, осенью призыв, ты попадешь в армию и тогда прощай высшее образование.

Умоляю тебя именем всего, что тебе дорого, – не будь инертным в этом деле. Сейчас не то время, чтобы такие вещи делать, ты должен добиваться восстановления и одновременно перевода, чтобы развязаться с этой Казанью. Напрасно ты грубил ему. Надо было то же самое сказать твердо и решительно, но вежливо. Неужели он не даст тебе сдать экзамены?

Сходи к нему, извинись, что был груб, и попробуй еще уговорить его. Скажи, что вопрос о реабилитации твоих родителей – это дело недель, тогда будет неприятно. Скажи, что уедешь в Л-град, освободив их от своей персоны, которая их так угнетает, попроси хоть дать возможность сдать экзамены. А уж если нет, то немедленно в Москву. А я-то так мечтала, что ты будешь это лето со мной! Нет ни в чем счастья. Если придется ехать на практику, то поезжай в Арск²³, т. е. туда, куда назначили, чтоб при таком остром положении не создавать лишних поводов для обвинений. Подумаешь, не все ли равно: Арск или Зеленодольск?²⁴ Когда надо оформлять перевод, только перед самым началом учебного года или можно летом? Если можно заранее, то сделай это сразу после практики и из Москвы вылетай в Магадан, хоть на 2 недели. Теперь никаких пропусков не надо, свободный проезд. Только в любом случае не тни время, как тогда, а сразу выезжай в Москву. Если все же едешь на практику, то **обязательно** поезжай именно туда, куда назначили. Я настаиваю на этом.

Вася! Имей в виду, если что со мной случится, что в магаданской сберкассе (то отделение, что на Гл. почтамте) у меня есть вклад за № **30780**, который завещаю тебе. Завещание сделано 9.04.52 г. В случае чего, сразу делай запрос с требованием перевести его на твое имя. Там тебе хватит на окончание образования.

Не оставляй Пашу²⁵, помогай ему тогда. О Тоне²⁶ я не тревожусь, т. к. Антон ее обожает и, конечно, обеспечит.

Но пока я жива, Вася, я умоляю тебя о двух вещах: 1) преодолевай свою флегматичность в этой решающей борьбе за всю твою будущую жизнь и 2) пиши и телеграфируй мне, как можно

---

²¹ Имеется в виду массовая реабилитация незаконно репрессированных.

²² Н. С. Гинзбург.

²³ Город в Татарстане в 65 км от Казани, райцентр.

²⁴ Город в Татарстане в 38 км от Казани.

²⁵ Имеется в виду П. В. Аксенов.

²⁶ Антонина Павловна Аксенова (первоначальная фамилия Хинчинская, р. 1945), приемная дочь Е. С. Гинзбург.

чаще, независимо от того, плохие вести или хорошие. Пойми, что неизвестность и тревога гигантскими шагами приближают мой конец, который уже и так не за горами.

Говорят, что некоторые люди, ставшие жертвами таких несправедливостей, обращаются за помощью к матери Маленкова и что это исключительно добрая и благородная женщина, которая многим помогает. Попробуй в Москве разузнать, где она, и попасть к ней.

Целую и благословляю.

Твоя мама.

P. S. Что это за девушка, что тебе так понравилась?

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 19 октября 1954 г.

Дорогой Вася!

Ура, ура! Музыка играет туш!

Вчера, ровно через два месяца и одну неделю после отъезда моего сына, я получила от него письмо!

Конечно, «было много дел, связанных с устройством на новом месте». Однако среди всех этих дел было вполне достаточно времени, чтобы часами валяться с Димкой²⁷ в накуренной комнате, крутить радио, болтать. Для всего этого время нашлось. Каким пустым формализмом звучат на фоне такого поведения заявления о твоём беспокойстве за мое здоровье!

Ну ладно. Не стоит говорить о том, что и так понятно. Одно я тебе скажу: я тебе навязывать переписку со мной не собираюсь. Отвечать на письма буду, но штурмовать тебя письмами с тревогами и мольбами больше не буду. Довольно я это делала в 50–51 гг.²⁸ Тогда еще была надежда, что это от легкомыслия 18-летнего возраста. Сейчас ты вполне совершеннолетний и все, что ты делаешь, пусть остается на твоей совести.

Теперь отвечу на твои вопросы.

О здоровье. Я послала телеграмму Наташе²⁹ опрометчиво, под впечатлением сердечного приступа такой тяжести, какой еще не было. Послав, тут же пожалела об этом. Сейчас я чувствую себя лучше.

О твоей комнате. Этот вопрос пусть решает Наташа, ей на месте виднее. Возможно, что тот угол, где ты живешь сейчас, тебе, действительно, надо сменить. Но на счет отдельной комнаты я не очень-то мечтаю. Во-первых, это очень дорого. А мне сейчас надо перед отпуском скопить денег, я до сих пор еще не набрала 30 тыс., а это минимум, на который можно съездить вдвоем. Во-вторых, в отдельной комнате ты, безусловно, будешь ежедневно опаздывать в институт, т. к. без постороннего вмешательства твой подъем абсолютно невозможен, да и для разных нежелательных знакомств и отношений отдельная комната представляет собой удобную почву. Повторяю, конкретное решение этого вопроса согласовывай с Наташей, я вполне полагаюсь на ее благоразумие. Насчет анкетных дел я считаю, что надо написать всю правду. Папа работает сейчас пом<ощником> бухгалтера в Красноярском крае³⁰, так и надо указывать.

Я категорически возражаю против твоих планов о поездке в Казань на зимние каникулы. Нечего там делать. Самое желательное, чтобы тебя там как можно скоро забыли, а для этого меньше всего надо маячить у них перед глазами. <...>

Оказывается, что среди многих фактов твоей казанской жизни, скрытых от меня, есть и такие, как этот зачет по инфекционным болезням. Конечно, это чепуха, что он был тебе

---

²⁷ Сын Н. С. Гинзбург, младшей сестры Е. С. Гинзбург.

²⁸ Этих писем в американском архиве В. Аксенова нет.

²⁹ Н. С. Гинзбург.

³⁰ Место ссылки П. В. Аксенова после лагеря.

зачтен. Если бы это было так, то «какая-то стерва» не могла бы отказаться подтвердить это, да и сам ты, получая академическую справку, заметил бы отсутствие этого зачета и позаботился бы о том, чтобы его вписали. Очевидно, он зачтен не был, а просто кто-нибудь обещал тебе это сделать или с кем-то поговорить. Одним словом, вопрос этот, очевидно, был оформлен по твоему излюбленному методу, вроде как направление в Магадан на практику³¹.

Очень меня возмущает твое полное равнодушие к вопросу о стипендии. Почему бы тебе, вместо того, чтобы запрашивать казанский деканат об этом не вполне законном зачете, привлекая снова нежелательное внимание к твоей персоне, – почему бы вместо всего этого просто не попросить разрешения пересдать его сейчас в Л-граде. Немного работы ничуть бы тебе не повредило, и вопрос о стипендии был бы решен положительно.

О твоем обмундировании. Мне совершенно непонятно, почему это у тебя появилась острая потребность в брюках, когда мы с тобой только что сшили хорошие синие брюки в магаданском ателье? Правда, вид у них немного сумасшедший и ты выглядишь в них не то Сирано де Бержераком, не то «балеруном», затянутым в трико, но ведь это – твой вкус и твой стиль. Чего же тебе еще?

По-моему, до моего приезда тебе их вполне хватит. Есть у тебя и 2 пиджака, не понимаю, какая еще «куртка» тебе нужна? Если «стильная», то я категорически отказываюсь ее оплачивать. Если подберете с Наташей нормальный, обыкновенный человеческий костюм выходной, телеграфируйте – я вышлю на него денег. А уж покупку заграничных «желтых кофт», «кофт фата» и т. д. и т. п. отложи до получения диплома и до первой зарплаты. Деньги на ботинки я вышлю вместе с деньгами на ноябрь.

Я вполне понимаю, как тяжелы и раздражающи были твои переживания в связи с анкетными делами.

Но, надеюсь, теперь, *post factum*, ты не будешь отказываться от того, что отношение к тебе в казанском институте сложилось на основе твоего глупейшего поведения и что анкетные заковырки они просто использовали для расправы с тобой. Мне стало известно от Акимовых³², что у тебя были с этим директором столкновения и не анкетного порядка. Не буду повторяться и на тему о том, какое впечатление производит в наше время форменный мундир «стиляги» и ленивая походка разочарованного джентльмена. Если ты думаешь и на новом месте повторить этот «модус вивенди», то, конечно, тебе обеспечен плохой конец. Пользуюсь тем, что по почте ты не сможешь закричать на меня «молчи!», как ты это делал, стоя передо мной в клетчатой кофте на аэродроме перед отходом самолета, и повторяю тебе эти неприятные истины.

У нас никаких особых новостей нет. Из Москвы ничего не получала. Антон Як. стал тоже часто прихварывать, работает сейчас гораздо меньше. <...>

Я взяла еще одно совместительство: заочную среднюю школу. Там 1 раз в неделю читаю обзорные лекции, принимаю зачеты и проверяю контрольные работы. Устаю я до крайности. Сейчас в вечерней школе идет обследование, на уроках все время сидят инспекторы, так что напряжение большое. Тоня учится неважно, но немного лучше, чем в прошлом году.

Еще раз прошу тебя серьезно задуматься над тем, что ждет тебя в будущем, если ты и в этом институте составишь себе такую же репутацию, как в Казанском.

Целую и благословляю тебя.

Мама.

---

³¹ См. вступительную статью.

³² Магаданские и казанские друзья, Юрий и Зинаида Васильевна. См.: письмо Е. С. Гинзбург от 01.10.53 и прим. Юрий Акимов познакомился с Василием Аксеновым в магаданской средней школе, по окончании которой Василий предложил ему ехать в Казань, чтобы поступить в институт. «Вася, мы же дети врагов народа!» – возражал Юрий. «Скроем», – отвечал Василий. Юрий поступил в строительный институт. Впоследствии Юрий Петрович Акимов (1932–2008) – министр жилищно-коммунального хозяйства Татарской АССР (с 1980 по 1989 г.). О встрече с Юрием Акимовым в сентябре 1963 года упоминается в дневниковых записях Василия Аксенова 1962–1965 гг.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 28 февраля 1955 г.

Дорогой Васенька!

Ты немного неточен. Ты не писал мне не весь январь, как ты пишешь, а весь истекший квартал, как выражаются счетные работники, а впрочем, и отдельные беллетристы. Ты не ответил даже на «говорящее письмо», которое я с такой любовью мастерил и надеялась получить подробное описание того, как ты его слушал, похож ли голос и т. д. и т. п. Это было очень обидно. Но что делать, насильно мил не будешь, и смешно было бы мне, человеку, прошедшему такой путь, умолять о любви и внимании. Когда-нибудь ты, наверно, поймешь, кто из всех живущих на земле людей любила тебя наиболее преданно и самоотверженно, но это, скорее всего, будет уже после меня, твои оправдания насчет перегрузки учебной работой выглядят формально и абсолютно неправдоподобно. Ведь я отлично знаю, что ты в течение учебного семестра занимался чем угодно, только не медициной, что ты отсрочил первый экзамен на 20 дней и, вообще, сессию как и всегда, брал штурмом. Вот ты еще года не проучился, а уже и в новом институте у тебя накапливается новый «кондуит». Первое опоздание в сентябре (знаю, знаю, что это не по твоей вине, но тем осторожнее надо было быть в дальнейшем), перенесение сроков экзаменов, опоздание с зимних каникул... А сколько еще мелких мне не известных фактов!

Но оставим это. <...>

Я сейчас имею 36 часов в вечерней школе, 15 часов в заочной школе + детский сад 6 часов. Итого – 57 часов недельной нагрузки. А это ведь педагогические часы, к которым еще требуется подготовка. А проверка тетрадей? Ведь это русский язык! А. Я. все время кричит и скандалит, чтобы я бросила хоть одну из 3-х служб, но я этого не делаю и не сделаю, хотя буквально изнемогаю от усталости. Только ценой такой работы мне удастся заработать около 3-х тысяч, и я, таким образом, знаю, что те деньги, которые я посылаю тебе и папе – мои деньги. А это дает мне моральное удовлетворение. <...>

Еще обиднее мне, прямо до слез, что твой психоз «стиляги» продолжается. Ведь твоя поездка в Казань в этой хламиде при наличии хорошего зимнего пальто – это прямое издевательство и над здравым смыслом и над матерью! (Вроде клетчатой кофты, в которой ты прибыл сюда летом!)

Я с нетерпением жду встречи с тобой, но меня охватывает ужас при мысли, что ты встретишь меня с кудрями до плеч, свисающими на нос и подбородок, и в какой-нибудь полосатой или клетчатой хламиде.

Недавно я читала роман Пановой «Времена года», тот самый, который, наряду с «Оттепелью» Эренбурга, подвергся критике по части натурализма. Там есть такая сцена между матерью и сыном твоего возраста. Эта сцена потрясла меня действительно натуралистическим воспроизведением наших с тобой бесед. Не поленюсь тебе ее процитировать:

«Мать:

– Ты посмотри на свой пиджак. Да ты в зеркало, в зеркало, это курам на смех, такая длина... А поповские патлы для чего? Я спрашиваю – патлы зачем?

Сын:

– Ну мода...

Мать:

– Не знаю такой моды.

Сын:

– Ну стиль... Мало чего ты не знаешь! Тебе непременно нужно, чтобы я был похож на всех».

Таким образом, в своем стремлении не быть похожим «на всех», ты уже стал как две капли воды похож именно «на всех» пустопорожних юнцов, ставших обобщенными типами литературы. Я так надеялась, что переезд в Л-град тебя излечит от этого. Теперь надеюсь что, м.б., знакомство с таким человеком, как твой отец, подействует на тебя. Но пока не заметно. То, что он тебе говорит «против шерсти», ты воспринимаешь как нотации, навеянные моими письмами.

Насчет твоих военных лагерей я тоже очень огорчаюсь. Справки сейчас достать не смогу, т. к. д-р Туляков, лечивший меня, выехал совсем на материк. Напиши, в каком месяце это будет. Я постараюсь, если ничто не задержит, выехать сразу после экзаменов по моему предмету, т. е. в середине июня. К 1-му июля надеюсь быть в Л-граде. Не надо ли прислать заявление от моего имени дир. ин-та с изложением всех обстоятельств? (Дальний Север, редкий отпуск, плохое здоровье и т. д.?) Я планировала так, чтобы июль прожить с тобой на Рижском взморье, а в августе ехать с тобой же в Казань для встречи с папой и, м.б., общей совместной поездки по Волге.

1/III. О твоей несчастной любви. Я знаю, что в твоём возрасте такое чувство может доставлять очень тяжелые переживания. Но в то же время я как нельзя лучше понимаю, что пройдет некоторое время и будет так, как в стихах Гумилева:

Но все промчится в жизни зыбкой —
Пройдет любовь, пройдет тоска...
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю индюка!³³

Если бы ты знал, как меняются вкусы, и как через пару-тройку лет человек удивляется: неужели я сходил с ума из-за этого? Помню, как я в твоём возрасте умирала, буквально умирала от любви к Владимиру Вегеру³⁴, который был старше меня на 20 лет. Я была уже тогда женой Д.Федорова³⁵ и матерью маленького Алеша³⁶, так что о Вегере нельзя было и думать. Субъективно я страдала тогда не меньше, чем в самые тяжелые минуты тюремной трагедии. Но от последней осталось на всю жизнь разбитое сердце, а от Вегера – только улыбка и удивление: ну и дура же я была!

5/ III. Все некогда дописать письмо. За эти дни получила огромное письмо от папы, из которого я коротко узнала (не так вскользь, как из твоего письма), как обстоят дела с моим делом. Как обидно, что оно, видимо, лежит в недрах прокуратуры в ожидании очередного пленума Верх. суда и что ехать мне, видимо, придется с этим, неполноценным паспортом! Письмо его выбило меня совсем из колеи. Прошлое, уже подернувшееся было «пеплом времен», вдруг ожило, приобрело реальные, осязаемые краски, звуки, запахи! А вместе с прошлым ожила и неубывная боль об Алеше. Всю эту неделю – особенно по ночам – так страшно мучаюсь в тоске о нем, как в первые года!

«Плату за страх»³⁷ я видела. Также почти заболела после нее. Ведь ее тема так переплетается с темой моей злосчастной жизни. Так же, как Марию, я везла по мучительной дороге смертельный груз³⁸, в ежеминутном страхе последнего взрыва, только не несколько дней, а 18

---

³³ Заключительная строфа стихотворения Николая Гумилева «Индюк» (1920).

³⁴ Владимир Ильич Вегер (1888–1945) – революционер-большевик, публицист.

³⁵ Первый муж Евгении Гинзбург.

³⁶ Сын Евгении Гинзбург от первого брака. Родился в 1926 г., умер в 1944 г. от истощения в Ленинградской блокаде.

³⁷ Фильм режиссера Анри-Жоржа Клузо, в главной роли Ив Монтан (Франция – Италия, 1953).

³⁸ В фильме два водителя везут за вознаграждение взрывоопасный груз (нитроглицерин), который может взорваться при любом толчке грузовика.

лет везла его. (Помнишь, как ты меня в 49 г., накануне ареста³⁹, спрашивал: «Мама, а тебе не страшно?», а я спокойно отвечала: «Страшно, конечно!»? Это было еще в те времена, когда ты не был «стилягой», а был моим дорогим, моим последним, всепонимающим мальчиком!)

И, вот, теперь груз смертельного страха сдан в прошлое. Кончена мучительная дорога. Но так же, как Марию, я потеряла себя в этой дороге и могу ежеминутно пустить свою машину под откос. Мое нервно-психическое состояние, конечно, только условно может быть названо нормальным. А ведь никто не щадит. Ни работа, которая изматывает до «кровавых мальчиков» в глазах, ни А.Я., который имеет полное право на такой же психоз, после той же дороги, ни Тонька, <...> ни мое последнее дитя, у которого есть время для занятий «стилем», но нет минуты, чтобы сказать теплое слово матери.

Ну, ладно, хватит. Вчера я выслала тебе 800 р. на март, так что те внеочередные 800 должны быть использованы для **отдачи долгов**, в первую очередь Майке⁴⁰. Папа пишет, что, по мнению Аксиньи⁴¹, ты в Л-граде страшно похудел. В чем дело?

Пришли мне фотографию, только в нормальном костюме и прическе и с обычным выражением лица.

Крепко целую и благословляю.

Твоя мама.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

Казань. 7 марта 1955 г.

Дорогой мой Василек!

Получил твое письмо от 26.02.55. Большое спасибо за внимание. Ты извини, что я обратился к тете Наташе за справкой о твоих делах. Мы все здесь очень беспокоились, не случилось ли с тобой какой-нибудь новой оказии. Твое письмо и успокоительная телеграмма от тети Наташи пришли в один день. Очень хорошо, что ты с таким интересом занимаешься своей медициной, а не шалопайничаешь.

От мамы получил еще одно, очень хорошее письмо. Она очень глубоко переживает нашу встречу, но радость ее омрачается тем, что в предстоящем свидании она не найдет среди нас Алеши. Эта глубокая и неизбывная травма обязывает нас быть к маме еще более внимательными и чуткими.

Мама очень интересуется впечатлением, какое ты произвел на меня, и тут же выражает уверенность, что... «он произвел на тебя хорошее впечатление, если только он не в очень „стильном“ костюме и прическе». В общем, мама тебя очень и очень любит и гордится тобой. К сожалению, я не могу скрывать от тебя, что ты наносишь ей большую обиду своим невниманием. Вот что она пишет по этому поводу: «Но я на него сейчас в большой обиде. Насколько он любил меня и уважал раньше, в 48–52 г., настолько теперь охладел, стал считать меня старомодной <...>»

Очень тяжело читать эти горькие строки. Я знаю, конечно, что ты нежно любишь свою маму и как мать, и как друга, и как просто хорошего человека, но своим разгильдяйством ты наносишь ей тяжелые душевные раны. Ты не должен допускать, чтобы мама выпрашивала у тебя кусочки внимания. Она не заслуживает этого, и, кроме того, она очень гордая. Пиши ей чаще и больше, ведь тебе не надо притворяться, ты же любишь ее! Знай, что каждая строчка твоего письма, каждый штрих твоей жизни, о котором она узнает из твоих писем – доставляет

---

³⁹ Имеется в виду арест в 1949 году в Магадане, имевший целью оформить пожизненное поселение в Магадане. Василий учился в 10-м классе магаданской школы и после ареста матери остался один (см. «Крутой маршрут»).

⁴⁰ Дочь Павла Васильевича Аксенова от первого брака, сводная сестра Василия Аксенова.

⁴¹ Ксения Васильевна, старшая сестра Павла Васильевича; см.: письмо Евгении Гинзбург от 1 октября 1953 г.

ей большую радость. В противном случае, у вас совершенно искусственно может нарушиться взаимопонимание, за которым обычно следует общее охлаждение.

Я, разумеется, написал маме о нашей встрече, о наших беседах, о твоих отношениях к ней и о моем впечатлении в отношении твоей персоны. Признаюсь, старина, ты произвел на меня самое хорошее, самое приятное впечатление, и я об этом сказал маме. Не утаил от мамы и того, что ты иногда немножко (только немножко!) шалопайничаешь, что ты мог бы гораздо глубже изучать свою медицину, чтобы не пришлось тебе краснеть, когда придется лечить людей. Сообщил я маме и о том, что все ее опасения относительно твоего охлаждения к ней не имеют оснований, что ты любишь ее по-прежнему и всегда будешь для нее примерным сыном и другом.

Мои дела продвигаются медленно. В обкоме изучают вопрос о моем восстановлении. Когда и чем кончится это изучение, сказать трудно. Дано указание о представлении мне работы и квартиры, но практически, эти вопросы не разрешены.

Верх. суд официально сообщил мне, что в деле нет никаких данных об изъятых документах, фотоальбомах и имуществе. То же самое сообщили мне в комитете госбезопасности. Был у прокурора. Договорился о том, что они расследуют все это. Сейчас составляю список изъятого имущества и жалобу. Придется «сутяжничать».

Дела мамы в комитете госбезопасности нет. Один работник из военной прокуратуры в общих чертах сообщил мне, что по делу проводилось переследствие (в сентябре) и что дело, вероятно, находится в Москве. Он говорил, что результаты, по-видимому, будут благоприятными. Надо было бы съездить в Москву и подтолкнуть, но отсутствие средств лишает меня этой возможности. А, впрочем, может быть, и не следует допускать нового вмешательства. По всему видно, что мама достаточно хорошо обосновала свою жалобу, что следствие здесь, в Казани, проходило благоприятно и мое вмешательство едва ли нужно. Я хотел здесь поговорить об этом деле с председателем комитета госбезопасности, но он отказался вести беседы на эту тему, в связи с отсутствием у них дела.

Относительно твоих летних планов я написал маме. Надо полагать, что она сделает все от нее зависящее, чтобы продлить пребывание в обществе сына. Но когда практически встанет данный вопрос, ты должен решить его с учетом учебных интересов.

Вот, пожалуй, и все. Когда будет настроение и время, пришли писульку о своих делах. При отсутствии свободного времени, можешь молчать. Сердиться не буду. Старайся только выкраивать время на переписку с мамой.

Крепко жму твою руку, целую и желаю успеха. Твой отец.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 31 марта 1955 г.

Дорогой Васенька!

Получила я твое письмецо с предложением закончить «холодную войну». Однако подобные чисто декларативные заявления, не подкрепленные никакими реальными делами, носят чисто пропагандистский характер. Наша высокая договаривающаяся сторона сделала ряд шагов в целях ослабления напряжения, а именно: 1) дала возможность сшить «полустильный» костюм; 2) дала санкцию на первоначально отвергавшуюся поездку в Казань; 3) простила все летние выпады, все глупости и нелепости – послала говорящее письмо, составленное в исключительно лояльных тонах. Однако Ваша сторона не обнаружила никаких тенденций к установлению взаимопонимания, а именно: 1) мое составленное в благожелательных тонах послание осталось без ответа; 2) поездка в Казань осуществлялась в «стильном» пальто с опасностью для здоровья, вопреки прямому указанию Наташи; 3) с деньгами обращение было самое рассеянное, что привело к ограблению и перманентному финансовому кризису, не идущему на снижение, несмотря на все наши дополнительные ассигнования; 4) безумное курение, ведущее

к резкому исхуданию и опасности туберкулеза, продолжается. Этот список нелепых поступков можно было бы продолжать еще на пару страниц. Все это привело к тому, что в нашей последней ноте мы вынуждены были прибегнуть к ряду ультимативных требований.

Шутки в сторону! Меня мучительно тревожит твое здоровье. До моего приезда осталось 2 1/2 месяца, и ты изволь к этому времени обязательно поправиться, чтобы я из-за этого хоть не переживала. Для этого необходимы 3 условия: 1) брось курить!!! 2) расходуешь деньги продуктивно, чтобы обеспечить себе нормальное питание; 3) кончай, ради Бога, этот нелепый роман.

Что у тебя за привычка – обязательно интересоваться той девицей, у которой уже есть другой! Такая же история была в прошлом году в Казани, это все повторяется и здесь! Ты стал со мной не откровенным, и я не знаю, как там у тебя обстояло дело: дарила ли она тебе некоторое время свое внимание, а потом снова вернулась к тому, или она вообще никогда не отвечала тебе. Но и в том и в другом случае – это уже не дело. Настоящая любовь без дружбы, без душевного родства невозможна, а, насколько я понимаю, с этой покорительницей сердец тебя связывает только мучительное твое к ней физическое тяготение, разжигаемое ее отказом. Отдай себе в этом отчет и умей прекратить эти никчемные страдания. Переключи их на стихи. Как В. Инбер пишет, обращаясь к своему сердцу:

Ну, а впрочем, – боли до последнего вздоха,
Изнывай от любой чепухи,
Потому что, когда нам как следует плохо,
– Мы хорошие пишем стихи...

Вот пиши об этом страдании хорошие стихи, присылай их мне – и боль утихнет. Одновременно отдавай себе отчет в том, что в любви пятьдесят процентов приходится на долю самовнушения, и, кроме того, вспомни, что «клин клином вышибают». Неужели вокруг тебя нет больше хороших, милых девушек! Наташа пишет, что эта твоя пассия, хоть и хорошенькая, но, судя по фото, очень заносчивая особа. М.б., еще будешь Бога благодарить за то, что она тебя отвергла, когда встретишь свою единственную, настоящую, которая где-то тоскует по тебе и ищет тебя в то время, пока ты увиваешься вокруг этой самовлюбленной крали.

Теперь о твоих лагерях⁴². Посылаю просимое тобой заявление на имя директора, но прошу тебя подумать, стоит ли его подавать. Некоторые говорят, что если ты не отбудешь эти лагеря нынче, то на будущий год тебя могут взять в армию на целый год, ведь ты уже кончишь тогда ин-т. Да и вообще я не думаю, чтоб он разрешил, т. к. после 6-го курса надо ведь сразу ехать на место назначения.

Посоветуйся с Наташей об этом. Да напиши мне, что там у вас будет – просто матросская служба или занятия, связанные с морской медициной? Ты уже, наверно, знаешь, что я послала Наташе деньги на наем дачи и просила ее, если можно, снять дачу на Рижском взморье. Но она ответила, что выехать в Прибалтику не может и что может снять дачу в окрестностях Л-града. Я тогда дала ей телеграмму, чтобы снимала дачу в Сестрорецке, как ты просишь. От путевки на август я отказалась, т. к., во-первых, не хочу быть связанной в августе. Ведь если тебе все же придется июль пробыть в Кронштадте, то нам с тобой только август и остается, чтобы побыть вместе. Во-вторых, сама Наташа написала мне, что санаторий общего типа, что его все ругают, говорят, что плохо кормят и вообще условия неважные. А если так, то не стоит себя связывать. Папа сейчас находится в Москве. Получилось очень неудачно с деньгами. Он 21/III дал мне телеграмму, что хочет выехать в Москву. Я эту телеграмму получила только 24/III и 25/III выслала ему тысячу руб. на эту поездку. А он не стал дожидаться, 24-го выехал, и теперь меня волнует, что он сидит в Москве без денег (адрес неизвестен), а в Казани на почте

---

⁴² Речь идет о военной подготовке студентов по планам военной кафедры мединститута.

лежат деньги (как сообщает Аксинья) и им их, конечно, не выдают. От него я получила из Москвы т-мму о моем злополучном «деле»: «Пересмотр дела обещают закончить в течение 2–3 месяцев. Подробности письмом». Таким образом, надежда получить желаемый ответ еще до отпуски – отпала. Придется ехать с этим паспортом, что, конечно, весьма неудобно.

28/III послала тебе деньги на апрель, не 800, а 1000, чтобы ты отдал долг Мае! Жду от тебя писем. Не ленись. Вася! Спроси свою хозяйку, нельзя ли у вас там остановиться при приезде, я Наташу в ее тесноте, стеснять не хочу. С хозяйкой же расплачусь, как следует.

Крепко тебя целую и благословляю.

Твоя мама.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

Казань. 22 апреля 1955 г.

Дорогой Василек!

Скажу откровенно – письмо твое мне не понравилось. Из него я вижу, что ты, вместо изучения наук, занимаешься нытьем. Едва ли можно оправдать такую «систему жизни». У тебя есть все условия, чтобы учиться, читать, развлекаться. А ты не учишься и не живешь. Нытье это не жизнь. К сожалению, ты заразился, каким-то гнилым стилем жизни, от которого прямой путь к разочарованию и полной душевной опустошенности. Беда заключается в том, что ты слишком богат⁴³, чтобы вести нормальную, здоровую студенческую жизнь, и слишком беден, чтобы удовлетворить свои «изысканные» вкусы и потребности. Меня удивляет, откуда у тебя это светское шалопайство, сибаритство и прочая ерунда. Почему ты не хочешь трудиться, почему тебе нравится роль разочарованного барина? Ты должен понять, что у твоей мамы нет ни поместий, ни ренты и что в недалеком будущем тебе придется жить на свои средства и, может быть, помогать маме. Но при такой философии жизни ты едва ли в состоянии будешь зарабатывать на жизнь.

Мне известно, что ты не желаешь пользоваться трамваями, а предпочитаешь раскатываться на такси, покупать для своих девиц дорогие места в театрах и т. д. А затем, по несколько дней в месяц голодать. Что это за безобразие, что это за позор?! Нельзя быть таким жалким рабом своих прихотей и позволять своим дурным друзьям таким образом эксплуатировать себя.

Мама совершенно права в своих требованиях. А ты большая свинья, ты эгоист, ты считаешься только со своими желаниями и не принимаешь в расчет ни ее нервного состояния, ни ее общего здоровья, ни ее чувств матери. Когда-нибудь ты очень пожалеешь об этом, но будет поздно. <...>

Ты должен гордиться такой мамой, а не смотреть на нее, как на прислужницу, с высоты вашего никчемного «аристократизма». Противно все это, жалкий ты, ничтожный мальчишка, тряпка и раб своих мелких страстей!

Ты можешь на меня сердиться, можешь не писать мне, но я считал нужным бросить все это тебе в лицо, потому, что ты мой сын и я тебя люблю.

Что у тебя с этой девицей? Неужели нельзя построить отношения на принципах взаимности и равенства. Если нет, значит, нечего волочиться за нею. Надо быть все-таки мужчиной и человеком!

Дела мамы разбираются. Обещали закончить рассмотрение их к концу июня, началу июля.

---

⁴³ За счет постоянного субсидирования Е. С. Гинзбург.

Мое заявление приняли к рассмотрению в комитете партийного контроля при ЦК КПСС. ЦК предложил генеральному прокурору пересмотреть мою 109 статью⁴⁴. Мне предложено собрать и представить в ЦК характеристики от тех товарищей, которые знали меня до 1937 г. Многие меня обнадеживают, но как все это кончится на деле, трудно сказать.

Все это время занимался собиранием характеристик и сочинением большого «трактата» в плане 109-й статьи.

На днях, кончая это занятие, отправлю в Москву и снова займусь проблемой устройства на работу.

Имущество наше все еще ищут, результатов никаких. <...>

Поздравляем с Первомайским праздником. Привет тете Наташе и Федору Яковлевичу⁴⁵. Крепко тебя целую. Твой отец.

Р. С. Маме, я разумеется, не пишу в таких тонах о твоей важной персоне. Я стараюсь изобразить эту персону в самых идеальных красках. Я рассказываю ей, что эта важная персона очень любит свою маму, что она, эта важная персона, готова ради нее на любое самопожертвование и т. д. Но кажется, что эти мои писания, не будут иметь успеха. Она умная, она все понимает и во всем разбирается. Впрочем, ты и сам отметил, что она «здорово разгадывает тебя».

Кстати, не прислать ли тебе почтовой бумаги? Мне кажется, что тебе не на что покупать бумагу и потому ты пишешь свои письма на каких-то грязных клочках, пригодных только для уборной. Что за босяцкая привычка.

Отец.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 7 января 1956 г.

Дорогой Васенька!

Получила твое письмо с фотокарточками. Конечно, сам по себе факт, что ты написал мне – это, так сказать, явление прогрессивное, но, говоря откровенно, и письмо (в смысле его содержания), и карточки (в смысле их вида) мало меня порадовали.

Когда мне на почте вручили твое письмо и я подумала, что там та твоя карточка, которой я уже несколько лет безуспешно добиваюсь, а именно нормальная карточка, в костюме, в галстук, с аккуратно причесанными волосами, т. е. такая, которую можно повесить на стенку, – я страшно обрадовалась. Потом подумала: может быть, это карточка Жанны⁴⁶ – и тоже очень обрадовалась. Ведь если эта девушка играет в твоей жизни такую большую роль, то мне очень хочется ее видеть.

Увы! Это было ни то, ни другое. Жуткая физиономия с включенной шевелюрой на том снимке, где ты один в матросской форме, низкого качества мелкий любительский снимок, на котором группа матросов, ну а на том снимке, где мост, я, при моем теперешнем плохом зрении, даже не могла найти, где ты.

Что касается карточки во весь рост в пальто, то и твой общий вид на ней и само пальто повергли меня в тяжелые размышления. В какой-то степени, и даже в большой степени, внешний вид человека отражает его внутренний мир. Что же отражено на этом снимке? Канадский кок, висящие чуть ли не до пола модные плечи, на фоне этого заграничного шика явственно проступает неряшливость всего облика: нелепый смятый воротничок, как у дошкольника, неряшливо расстегнутая пуговица, мятые брюки и главное, выражение лица

---

⁴⁴ Статья Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающая ответственность за злоупотребление служебным положением.

⁴⁵ Муж Н.С. Гинзбург.

⁴⁶ Девушка Василия.

сноба, да еще доморощенного, провинциального сноба, вызывающее только одну ассоциацию: Эдик из фильма «Секрет красоты»⁴⁷. Возмущаться, негодовать – у меня уже сил нет. Я просто горько вздохнула и положила карточки в комод. Конечно, это не те снимки, от которых можно получить трогательную стариковскую утеху, а именно: показать их сослуживцам, с гордостью говоря: «Сынок».

Уже долгие годы я тешу себя мыслью, что этот твой психоз «стиляжества» – возрастная болезнь, которая пройдет. Сейчас тебе уже двадцать четвертый, ни конца, ни края. Я отступлюсь, Вася, я просто отступлюсь – и все. Вот ты сейчас высказываешь уверенность в том, что, хотя в Л-де оставляют многих из вашего выпуска, но ты в это число, конечно, не войдешь. Я тоже в этом не сомневаюсь.

А в чем, спрашивается, причина? Только в общем стиле твоего поведения, которое не дает оснований ни профессуре, ни общественным организациям видеть в тебе серьезного человека. А ведь при твоих способностях тебе ничего не стоило остаться при любой кафедре, тем более теперь, когда все анкетные осложнения отпали⁴⁸.

Интересует меня также вопрос о причинах и поводах твоих ссор с Жанной. Ведь, казалось бы, что если ты встретил человека, который тебя понимает, который по уровню своего развития, по склонностям и интересам тебе подобен, который к тому же и по внешним данным, как пишет Наташа, заслуживает самой высокой оценки – то почему бы тебе не проявлять по отношению к такому ценному человеку больше чуткости, деликатности, уступчивости? Уверяю тебя, что такие встречи в жизни вовсе не так часто встречаются. По крайней мере, из всех твоих увлечений это первое, которое мы с Наташей одобряем. Я почти уверена, хотя и не имею на это никаких данных, что причины ваших размолвок примерно те же, что и причины моего недовольства тобой. А если это так, то почему бы тебе не задуматься над этим и не пересмотреть свое поведение?

От приезда в Магадан⁴⁹, я думаю, надо отказаться. Во-первых, после неприятной истории с А. Я.⁵⁰ мне неудобно идти в Облздрав. Во-вторых, абсолютно нет никакой гарантии на оставление в Магадане, наоборот, все шансы за тайгу. В-третьих, я сама день и ночь думаю об отъезде отсюда, в-четвертых, зачем тебе забираться так далеко от Жанны?

Мне кажется, что если бы ты с ней зарегистрировался, то комиссия могла бы пойти вам навстречу и оставить тебя в Л-граде до ее окончания.

С другой стороны, хоть У меня и сжимается сердце при мысли о начале твоей самостоятельной жизни, но я убеждена, что понюхать порошу тебе было бы очень полезно, чтобы понять, что такое жизнь, и какое ничтожное место в ней должен занимать канадский кок и вислые плечи. <...>

Ах, Вася, если бы ты знал, сколько ты проигрываешь не только в моем общем отношении к тебе, но даже просто в материальном отношении от всех этих своих благоглупостей. Ведь я бы, что называется, шкуру с себя содрала для тебя, если бы я видела, что из тебя дельный человек получается, если бы все эти деньги не шли прахом, не только не помогая тебе, а наоборот, способствуя твоему разложению.

Ты пишешь, что мое счастье – это твое счастье и наоборот. Спасибо тебе за эти теплые слова, но я хотела бы, чтобы они были подтверждены делами. Конечно, важнее твоего счастья для меня в жизни ничего нет, но вся беда в том, что наши с тобой представления о счастье очень различны.

---

⁴⁷ Короткометражный сатирический фильм о стилягах режиссера В. Ордынского («Мосфильм», 1955).

⁴⁸ Имеется в виду, что родители В. Аксенова полностью реабилитированы.

⁴⁹ Е. С. Гинзбург и В. Аксенов обсуждают возможность приезда Аксенова в Магадан по распределению после окончания института.

⁵⁰ А. Я. Вальтеру запрещено было использовать гомеопатические методы лечения.

Ты не ответил на мой вопрос: как ты сдал военное дело, получил ли звание, не слетел ли со стипендии?

Жду твоих писем и нормальной фотографии, твоей и Жанны.

Передай ей мой привет и скажи, что я просила передать ей, что ты сам гораздо лучше, чем твои поступки, и чтобы она из-за них не отшатывалась от тебя.

Крепко тебя целую.

Твоя мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 12 февраля 1956 г.

Дорогой Васенька!

В чем дело? почему ты ничего не пишешь мне? Почему ты не ответил на прямо поставленный вопрос о том, куда ты едешь на каникулы? <...>

Вместо ответа на прямо поставленный вопрос получила телеграмму с дипломатическим умолчанием. Просто: «Спасибо, целую» – и все тут.

Я имею предположение, что ты так запутался с денежными делами, что, несмотря на то, что я тебе за прошлый месяц перевела полторы тысячи, ты все же не имеешь возможности ехать, должен все раздать за долги, сообщи мне, так ли это.

Ничего ты мне не сообщаем ни о своих академических делах, ни о личных; если б не редкие письма Наташи, то я бы вообще о тебе ничего не знала. Странное складывается положение, моя роль по отношению к тебе все явственней сводится к двукратным в месяц хождениям на почту с переводами.

С горьким чувством подхожу я к концу своей жизни, полное одиночество – вот ее итог, было у меня два сына, один погиб, другой живет в мире каких-то непонятных мне и, с моей точки зрения, пошлых увлечений сверхмодными костюмами и с каждым днем все больше от меня отдаляется, становится даже парадоксальным. Я, человек, владеющий сейчас всеми необходимыми для жизни документами, ловлю себя на том, что я с некоторой грустью вспоминаю о том времени, когда я уезжала в легковой машине⁵¹ в приятном обществе гг. Палея и Ченцова⁵² из старого дома. Я вспоминаю, как ты смотрел мне вслед, как разрывалось мое сердце от выражения твоих глаз, но в то же время я вспоминаю, какое у меня тогда было волнующее чувство, что у меня действительно есть сын, что он мой друг и единомышленник, что он серьезный человек, с которым я могу делить и горе и радость. <...>

А сейчас? Гусарские расходы, гусарские секреты... мать вспоминается только в связи с уменьшением доходов с воронежских деревенок. Какая я была страстная мать! Все мои мечты и планы, все сладостные надежды были у меня всегда связаны только с тобой и Алешей <...>

Вообще, как бы хорошо было бы в моем теперешнем возрасте жить уже только жизнью детей. Поехать гостить на полгода бы к Алеше, потом на полгода к Васе, волноваться о внуках, получать письма от ласковых невесток.

Нет. Не судила мне этого судьба. <...>

Между прочим, Антон до того худой, нервный, сумасшедший и все больше маниакальный со своей гомеопатией, что все трудней и трудней становится с ним ладить, особенно после его краха, по-видимому, окончательного, который постиг его нынче со всеми его делами. <...>

Конечно, я очень далека от утверждения, что я сама уж очень хороша, а все другие плохи. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что я до предела нервна, обидчива, издергана, особенно сейчас, когда в связи с делами А. Я. мне пришлось опять нагрузиться, как верблюду. Да еще

---

⁵¹ Имеется в виду арест Е. С. Гинзбург в 1949 году.

⁵² Магаданские сотрудники госбезопасности, узавизившие Евгению Гинзбург в тюрьму, упоминаются в «Крутом маршруте».

в дневной школе, где работа так изнурительна и бьет по самому моему слабому месту – по нервной системе, предельно изношенной в результате всего пройденного пути. Но в том-то ведь и дело, что нет по-настоящему близких и любящих людей, которые могли и хотели бы считаться со всем этим, прощать лишнее и своей преданностью успокаивать.

Наверно, все это я пишу тебе совершенно напрасно. Возможно, молодые люди мужского пола вообще не могут всего этого понять, особенно те молодые, которые так болезненно интересуются канадским коком.

Какие факты могу тебе сообщить! Работаю с утра до поздней ноченьки. Захлебываюсь тетрадями, планами, всякими инспекторскими проверками и прочими прелестями. Разница между моей теперешней жизнью и той, что была до благодетельных перемен, только в том, что хоть не прислушиваюсь к шагам в коридоре.

Прошу тебя держать меня в курсе хоть внешних событий твоей жизни. Какие перспективы с назначением? М.б., ты сам сможешь, если уж не будет ничего лучшего, попроситься в Магадан. Мне теперь после всех неприятностей А. Я. с Облздравом просто неудобно идти туда.

Как твой роман? Бываешь ли у Наташи? Как у них дела? Приходил ли к тебе марчеканский⁵³ Астахов (глухой)?

Он поехал в Л-град, я дала ему твой адрес. Скоро едет еще Гертруда Рихтер⁵⁴. Прочит адрес Наташи, мне неудобно отказать, но ты Наташу предупреди, чтобы она была с ней любезна, но абсолютно без лишних откровенностей.

Крепко целую и благословляю, жду писем. Твоя мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 17 апреля 1956 г.

Дорогой Вася!

Получила твое письмо с доказательствами и оправданиями. Ни в чем оно меня не убедило, кроме того, в чем я и так была убеждена, а именно в том, что твоей основной целью жизни на данном этапе является получение возможно большего числа развлечений при возможно меньшей затрате труда⁵⁵.

Что касается материала для литературных работ, то они лежат именно в гуще жизни, а не в окне путешественника. Именно на врачебном участке ты мог получить самый ценный материал для романа, повести, рассказа. «Записки русского путешественника» – жанр уже изжитый. «Фрегат „Паллада“» ты вряд ли напишешь.

Конечно, я абсолютно не настаивала, чтобы ты шел работать в МВД, тем более, если там такой характер работы, о котором ты пишешь. Я по твоей телеграмме поняла, что речь идет о какой-то стабильной работе, может быть, даже в поликлинике МВД. Поэтому я и написала, что это лучше плаваний. Но надо было, безусловно, ехать на участок, тем более, что, как пишет Наташа, места были очень приемлемые – в Эстонии и в Ленинградской области. Только там ты мог действительно стать врачом. Здесь же ты растеряешь даже то небольшое, что приобрел в институте. Останешься только обладателем бумажки-диплома. Ну что ж! Я сделала все, что могла. Конечно, даже бумажка тебе сильно пригодится в жизни, и не раз ты поблагодаришь меня за нее, когда я буду уже в лучшем мире. Но не об этом я мечтала. Взрослым ты никак не становишься, и серьезной мысли в твоих поступках по-прежнему нет. Сейчас у нас здесь живет один ленинградский парень, твой ровесник. Он приехал с письмом Наташи. Это какой-то родственник ее профессора, окончил Л<енинград>ский ун<иверсите>т и прислан сюда в

53

⁵⁴ Барток-Рихтер Гертруда, доктор философии, немка; магаданская знакомая Евгении Гинзбург, была повторно арестована в 1949 году в одно время с Евгенией Гинзбург, упоминается в «Крутом маршруте».

⁵⁵ Речь идет о намерении В. Аксенова устроиться врачом на суда дальнего плавания.

качестве геоботаника⁵⁶. Скоро поедет в экспедицию в тайгу. Мы много с ним беседовали, и я просто поражаюсь, какая пропасть между ним и тобой. Он вполне сложившийся серьезный человек. Хотя по общекультурным вопросам ты, конечно, более начитан и развит, но по отношению к жизни, по зрелости мысли он кажется старше тебя лет на десять. Конечно, не убедило меня твое письмо и в том, что ты в своих жизненных планах хоть сколько-нибудь берешь в расчет мою скромную персону. Ведь не принимать же всерьез за учет моих интересов твои обещания, что ты мне пришлешь подарок из Венесуэлы!

Я и в молодости-то не гонялась за тряпками, а теперь даже смешно говорить об этом. Неужели какая-нибудь заграничная тряпка компенсирует мне бесконечную тревогу, на которую я теперь всегда буду осуждена, и бесконечное одиночество. Ну, в общем, все это теперь, конечно, пустые речи. Поступил ты, как хотел, и нечего об этом разговаривать. Я уже подготовилась к тому, что я теперь годами ничего не буду знать о тебе; так как если из Л<енингра>да, где тебе ежедневно напоминает обо мне Наташа, ты пишешь мне один раз в два месяца, то надо думать, как часто ты будешь вспоминать о моей скучной персоне в таких увлекательных плаваниях.

Надеюсь, однако, что хоть эти заманчивые перспективы заставят тебя отнестись серьезно к выпускным экзаменам. Гертруда⁵⁷ утешает меня тем, что ты решил во время путешествий серьезно заняться изучением английского языка. Она приняла это за чистую монету. Но я-то ведь знаю, что ты имел это же намерение при отъезде в Л<енингра>д, что ты обещал тогда же вступить в какой-нибудь научный кружок и принять участие в работе какой-либо кафедры. Так что цена этих благих намерений мне отлично известна. Вероятно, пару матросских песенок на английском языке, пару шуток и каламбуров ты действительно усвоишь. Но от систематического изучения языка ты, безусловно, останешься так же далек, как и от любого дела, требующего труда.

Лень! Только лень и желание уклониться от труда, а также погоня за развлечениями легкой жизни – вот единственный стимул твоих поступков. Я в этом глубоко убеждена, и ты, хоть никогда и не сознаешься в этом, глубоко убежден тоже, что я права.

Я живу тяжело: в непрерывной тяжелой работе, без всяких радостей и утешений. Иногда, бывает, правда, чувство удовлетворения работой, но и то не часто.

Напиши мне объективно, как обстоит дело со здоровьем Наташи. Опасна ли предстоящая операция?

Целую. Мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 24 октября 1956 г.

Дорогой Васенька!

Наконец-то я получила от тебя письмо. Правда, содержание его отнюдь не приятное, но все же лучше, чем ничего не знать о своем сыне и довольствоваться только скудными сведениями от Наташи.

Я так и не узнала, при каких обстоятельствах пропало твое пальто. Ты не считаешь нужным писать об этом, а Наташа написала, что ей так надоели все твои истории, подобного типа, что она предоставляет тебе самому описывать их. Я абсолютно уверена, что причиной является твоя неосмотрительность и неаккуратность. Думаю, что на этот раз ты, действительно, пережил это как неприятность, т. к. теперь тебе самому надо думать о том, как ликвидировать такие прорывы.

---

⁵⁶ Дмитрий Архангельский.

⁵⁷ Барток-Рихтер

Жизнь твоя, по описаниям, мне совсем не нравится. И я продолжаю считать, что было бы гораздо лучше, если бы ты не связывался с этим портом⁵⁸, а просто получил бы обычное назначение и поработал года два на периферии, приобрел врачебный опыт, а потом мне, безусловно, удалось бы через Люсю и Вишневецкого⁵⁹ устроить тебя в Москве. Но ты предпочел не считаться с моим мнением, о чем, я уверена, еще не раз пожалеешь.

Думаю, что и плавание после первых же поездок тебе страшно надоест. Но как бы там ни было, а надо тебе проходить школу жизни, иначе ты совсем пропадешь. И хотя мне очень тяжело, что тебе приходится сейчас переживать и холод, и недостатки, но, очевидно, это необходимый этап по пути твоего превращения в настоящего человека.

У нас все по-старому. Я работаю в школе. После первого октября вошел в силу новый закон о пенсиях. Теперь на Колыме дают пенсию тоже с 60 л. мужчинам, а женщинам с 55, так что я теперь ее не получаю, что сократило мой заработок на 700 р. в месяц. Очень жаль, конечно, но ничего не поделаешь. В школе у меня нагрузка тоже небольшая – всего 20 ч., так что с деньгами нынче гораздо хуже, чем в прошлом году. Работы-то, конечно, все равно хватает, занята на весь день, школа ведь это такое дело, что какая бы ни была нагрузка, а все равно весь день занят.

Сегодня я получила из Ленинградской областной милиции бумажку, что мне разрешена прописка в любом районе Ленинградской области. Я подавала заявление секретарю Обкома Ленинградского, а он же переслал его в милицию, и вот результат. Так что теперь можно подумать о том, чтобы присмотреть что-либо подходящее в окрестностях Ленинграда. Наверно, самое подходящее будет Сестрорецк или Пушкин. Мне бы хотелось Териоки, но Наташа писала, что там нельзя. Вот ты как-нибудь в воскресенье съезди с товарищем в Пушкин и посмотри, нет ли там какого-нибудь подходящего продающегося домика или полдомика. Опиши, какая там природа, какая обстановка. Вообще напиши свое мнение по вопросу о том, где лучше купить. Раз уж теперь у нас есть разрешение на прописку в Ленинградской области, то там, видимо, и придется устраиваться. <...>

Магадан все пустеет. Очень многие знакомые уже уехали, некоторые уезжают в 57 году. Я тебе, кажется, писала, что Гертруда получила письмо от Анны Зегерс⁶⁰ (это ее близкая подруга) и вызов от союза писателей Германии. Скоро она уезжает в Берлин, и я уже имею ее приглашение в гости, которым не премину воспользоваться, как только это будет возможно.

Отец Юрки Акимова⁶¹ написал письмо Антону Яковлевичу. Они живут у Юрки, который построил для всей семьи прекрасный финский домик. Старики очень довольны, просто не нарадуются.

Недавно здесь была катастрофа на море: разбился катер и хоронили 12 молодых моряков. Я с ужасом думала в это время, какой опасный путь ты себе избрал в погоне за приключениями и ощущениями.

Пиши мне иногда и не по поводу денег, а просто так, чем очень обяжешь любящую тебя (несмотря ни на что)

твою маму.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 24 ноября 1956 г.

Дорогой Васенька!

---

⁵⁸ Надеюсь осуществить свое желание уйти в заграничное плавание, Аксенов устроился работать врачом в Ленинградском порту.

⁵⁹ Лица не установлены.

⁶⁰ Зегерс Анна (1900–1983) – немецкая писательница-антифашистка, председатель Союза писателей ГДР с 1958 по 1978 г.

⁶¹ Магаданские и казанские друзья Аксеновых. См.: письма Е. С. Гинзбург от 01.10.53 и 19.10.54 и прим.

<...> Очень хорошо, что ты удачно съездил и хорошо провел праздники. Больше всего меня порадовало твое сообщение, что ты стал хорошим. Хотя и раньше такие широковещательные сообщения уже бывали и не подтверждались фактами, но мне почему-то хочется надеяться, что на этот раз – это уже всерьез. В самом деле, если бы ты и дальше оставался таким же, то это уже стояло бы на грани ненормальности, так как твои сроки «для безумств юности» явно истекают. Как-никак дело идет к четверти века, и пора занять свое прочное место в жизни.

Твое подробное сообщение о Кире⁶², описание ее и ее родных, а также заявление о том, что тебе без нее плохо, а с ней хорошо, я рассматриваю как прелюдию к более серьезному разговору.

Должна сказать, что у меня к этому двойственное отношение. С одной стороны, я на нее несколько обижена. Ведь, насколько я понимаю, ваши отношения в основном сложились еще тогда, когда я была в Москве. Я просила тебя зайти с ней вместе, хотела с ней познакомиться, но она не сочла нужным это сделать. Конечно, мне будет очень больно, если она и при дальнейшем развитии ваших отношений будет меня игнорировать. Ведь у меня никого, кроме тебя, не осталось, поэтому твоя жена должна стать для меня дочерью.

С другой стороны, я ничего не имею против того, чтобы ты сейчас женился, так как время для этого подошло. И если, действительно, она тебе так дорога и такая хорошая девушка, как ты пишешь, да еще из вполне порядочной семьи, то почему бы именно ей и не стать твоей избранницей. Плохо будет, если ты уж очень долго будешь оставаться в одиночестве. Тут есть опасность, что за порогом юности человек становится уж чересчур рационалистичным и разборчивым, да так и застрянет на положении старого холостяка, а это скучно и противоестественно. Даже если ты поедешь на корабле (чего я особенно не хотела бы сейчас в связи с последними событиями⁶³), то ты ведь будешь каждые два-три месяца попадать домой, а она в это время кончит институт. В общем, трудно советовать за глаза, но мое отношение к этому скорей сочувственное.

Не совсем я поняла, какая работа тебе предстоит зимой. Что такое СЭС? Санитарно-эпидемическая станция, что ли?

Наташа мне даже не сообщила, что она устроилась на работу, пусть хоть с небольшой нагрузкой. Только из последнего ее письма, полученного вчера, я узнала, что она работает в Герценовском⁶⁴.

Я работаю сейчас так много, что даже свыше сил. Дело в том, что в результате отчетно-выборного собрания я оказалась секретарем нашей партийной организации. Обстановка так сложилась, что отказаться было нельзя. И вот сейчас, после двадцатилетнего перерыва, приходится заново привыкать, хоть и не к очень масштабной, но все же партийной работе. Школа у нас большая. Педагогический коллектив около ста человек, да учеников около двух тыс. И обо всем этом я должна теперь день и ночь думать. Нагрузка у меня на этот месяц тоже увеличилась, имею сейчас 26 ч. в неделю. Очень много тетрадей. Кроме того, я пару раз писала опять в «Учительскую», выступала с двумя большими лекциями на школьные темы по нашему магаданскому радио, пишу брошюру по заказу нашего областного института усовершенствования учителей на тему «Изучение языка художественных произведений в старших классах средней школы». Одним словом, энергично «фукцирую»⁶⁵. Выбрали меня и делегатом на городскую партийную конференцию.

<...>

---

⁶² Менделева Кира Людвиговна (1934–2013) – будущая жена В. Аксенова.

⁶³ Так называемые венгерские события октября-ноября 1956 года: вооруженное восстание в Венгрии против просоветского правительства, жестоко подавленное советскими войсками. Двадцатичетырехлетний Василий сочувствовал восставшим венграм (см. рассказ «Три шинели и Нос»).

⁶⁴ Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ) им. А. И. Герцена.

⁶⁵ Видимо, имеется в виду – функционирую.

Антон Яковлевич стал немного лучше себя чувствовать после перехода на пенсию. Ходит в кино, как нанятый, иногда по два раза в день. Вообще выглядит страшно паразитическим элементом на фоне моего неустанного праведного труда.

Читал ли ты в «Новом мире» роман «Не хлебом единым»⁶⁶? Каково? А стихи Кирсанова в 9-м номере?

Вчера смотрели «Джузеппе Верди»⁶⁷. Понравилось.

Очень огорчают последние международные события. Как противно, что снова льется кровь!⁶⁸ В течение всей моей несчастной жизни я вижу это и никак не доберусь до своей тихой пристани.

Но я все-таки не теряю надежды на то, что положение благополучно разрядится.

<...>

Крепко тебя целую.

Твоя мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 20 марта 1957 г.

Дорогой Васенька!

Поздравляю тебя с новым этапом твоей жизни и от души желаю, чтобы твой, так молниеносно заключенный, (при содействии телеграмм-молний) брак не оказался молниеносным. Кроме шуток, я, как человек, испытывавший на себе, как тяжелы разводы, как они опустошают душу, от души желаю, чтобы твой союз с Кирой был счастливым и прочным.

Мое отношение к этому факту двойственное. С одной стороны, я этого желала, так как вообще считала, что тебе пора иметь семью, чтобы кто-то, более для тебя дорогой и влиятельный, чем я, останавливал тебя в твоих увлечениях, делал тебя более разумным и осмотрительным. Кроме того, по тем немногим отзывам, которые я имела о Кире от тебя и от Наташи, а также, если хочешь, по анкетным данным, я считала, что она – подходящий для тебя человек.

Так что я довольна, но это довольство омрачается рядом сопутствующих всему этому обстоятельств. Во-первых, очень тревожит твоя неустроенность в смысле работы и квартиры. Как дальше вы мыслите строить свою жизнь? Нельзя ли все-таки отставить экзотические плаванья и устроиться в какую-нибудь ленинградскую больницу, пока еще ты не совсем деклассифицировался? А может быть, можно вам устроиться в Москве? Что посоветовала вам по этому вопросу ее мама?

Во-вторых, меня очень огорчает твое исключительно невнимательное отношение ко мне, которое с особой ясностью проявилось в этот решающий момент твоей жизни. <...>

Ты проявляешь удивительное безразличие к вопросу о нашем окончательном переезде на материк. Можно подумать, что тебе совершенно все равно, удастся ли нам поселиться более или менее удачно. Нежели за всю зиму, будучи не очень-то загруженным работой, ты не мог получить несколько конкретных адресов продающихся домов в подходящих местах, выяснить условия прописки, которая теперь так трудна?

Денег у нас, по тем ценам, какие существуют, немного, так что выбирать надо тщательно. А тебе вроде до этого никакого дела нет.

Это очень обидно.

Итак, я жду твоего письма, в котором прошу тебя ответить на все поставленные вопросы и разъяснить, чем объясняется твое неожиданное изменение мнения по вопросу о сроке

---

⁶⁶ Производственный роман В. Д. Дудинцева (1918–1998), вызвавший большой интерес читающей публики и подвергшийся жесточайшей критике литературного начальства за изображение советского бюрократизма.

⁶⁷ Фильм Раффаэлю Матараци (Италия, 1953).

⁶⁸ Имеются в виду венгерские события.

женитьбы. Чем вызван ее приезд в Л<енингра>д в разгаре учебного года и такая спешка со свадьбой?

Как провел время в Москве? Каково впечатление от тещи? Как ты употребил присланную мной тысячу? На покрытие долгов или на подарок Кире?

Жду ответа. Повторяю: очень, очень обидно выпрашивать твоих писем, как милостыни, и никогда я не стала бы тебе писать первая, если бы не такой исключительный случай в твоей жизни.

Когда теперь Кира к тебе приедет? Передай ей мой привет. Крепко целую.

Мама.

Антон и Тоня поздравляют тебя. Тоня в восторге, что у нее теперь есть новая родственница, и все выясняет, кем она ей приходится.

Павел Аксенов – Василию Аксенову

Казань. 13 октября 1957 г.

Дорогой Вася!

Я давно хотел написать тебе, но не знал, куда адресовать письмо. Я мог, конечно, написать на адрес Киры для дальнейшей переотправки, но это слишком канительное и потому я решил выяснить все у Киры по возвращении в Москву. Хорошо, что ты написал. Но плохо, что ты оказался в паническом состоянии⁶⁹. Для паники нет никаких оснований. Трудности ты создаешь сам, вследствие того, что у тебя отсутствует цель в жизни. Ты призываешь меня на помощь, но в чем я должен помочь тебе? Ты не знаешь, что ты хочешь и чем ты хочешь быть. С одной стороны, ты хочешь быть с Кирой, с другой стороны, ты хочешь плавать. Но одно с другим не совмещается, и из этого ты делаешь трагедию. Начинать надо не с этого. Прежде всего, ты должен решить вопрос: какое место в жизни ты должен занять, и какими средствами достигнуть этой цели. Все прочие вопросы следует решать с этих позиций. Я сто раз твердил тебе, что ты должен быть хорошим врачом. Ты должен научиться успешно бороться с болезнями и тем самым помогать людям строить хорошую жизнь. При этих условиях люди оценят тебя, твой труд и твои знания и ты будешь счастлив. Но для этого надо много работать и учиться. Без труда ничего не дается.

Что же практически ты должен делать? Рассмотрим твое положение:

По окончании вуза тебе предложили плавание. Это было неплохо с точки зрения накопленных различных картин и впечатлений в жизни. На это дело можно было отдать один-два года жизни с тем, чтобы после этих путешествий, будучи обогащенным житейским опытом, вплотную заняться практической медициной.

Перспектива плавания удалась вследствие сложной процедуры оформления. Когда все было почти готово, ты женился. Появилась новая, сложная процедура оформления. Так прошло много месяцев. Вместо медицинской практики или путешествий, ты болтался в Ленинградском порту.

Нашлись умные люди и послали тебя в Вознесенье⁷⁰ на медицинскую работу. Ты работаешь там три или четыре месяца, а затем в ультимативной форме ставишь вопрос: плавание или увольнение. При этом ты покидаешь свой пост в Вознесенье. Таким образом, ты вступил в резкий конфликт с государственным аппаратом. Опыт показывает, что такая борьба ни к чему хорошему привести не может, тем более что твои позиции в этой борьбе весьма шаткие. В самом деле, чего ты добиваешься? Ты требуешь, чтобы тебя отправили в заграничное плава-

---

⁶⁹ Из-за официального отказа в оформлении заграничной визы.

⁷⁰ В это время В. Аксенов работает главврачом в больнице поселка городского типа Вознесенье Подпорожского района Ленинградской области.

ние. Но неужели ты не понимаешь, что это настолько деликатный вопрос, что никаких требований, в данном случае, предъявлять нельзя. В такую командировку посылают по инициативе соответствующих органов, а не по требованию желающих. Глупо, бестактно и вредно требовать непременно посылки на эту работу. Чем большую активность будешь проявлять в указанном направлении, тем меньших результатов добьешься, тем худшее впечатление оставишь о своей персоне, тем трудней будет устраиваться здесь, в «домашних» условиях.

Вместо борьбы с ветряными мельницами, ты должен подумать о том, как устроить свои дела. На твоём месте я бы отказался теперь от перспективы дальнего плавания. Ситуация резко изменилась, а в новой ситуации по-новому следует решать данный вопрос:

а) ты более года болтаешься без практики. Чтобы закончить все процедуры оформления, потребуется, может быть, еще несколько месяцев. В самом плавании ты должен провести не менее 2–3 лет, так как на более короткий срок нет смысла проводить такое сложное оформление. Таким образом, у тебя выпадают из практики 4,5–5 лет. После этого на твоей персоне, как на медицинском работнике, можно будет поставить большой черный крест. Ты будешь человеком без профессии;

б) по сравнению с тем, что было 1,5 года назад, изменилось твое положение в жизни. Ты теперь не «шлейса», а женатый человек. Нельзя оставаться «шлейсом» до конца жизни. Если ты уедешь на два-три года, что будет с твоей женой? И, наконец, что ты будешь делать, когда вернешься в роли человека без профессии? И на твоём месте я бы написал соответствующему начальству следующее:

«Ввиду того, что оформление в дальнее плавание слишком затянулось и я по этой причине в течение длительного времени занимаюсь не свойственными мне делами и, наконец, вследствие изменения моего семейного положения, перспектива работы на судах дальнего плавания является для меня неприемлемой. Прошу Вас предоставить мне постоянную работу в одной из больниц системы водздравотдела, обеспечив при этом предварительную стажировку в больнице № .... гор. Ленинграда. Подпись».

Или что-нибудь в этом роде, в зависимости от конкретных условий твоего бытия. Может быть, можно остаться в Ленинграде на постоянной работе или поехать куда-нибудь недалеко от Ленинграда. Я без колебания вернулся бы в Вознесенье. Преимущества этого пункта заключаются в том, что там рабочий поселок, озеро, река и недалеко от Ленинграда. Вы с Кирой часто можете устраивать свидания (прогулки, каникулы и т. п.). Два-три года настоящей, серьезной практики в подобных условиях, и ты будешь врачом. Если к этому прибавить затем институт усовершенствования или еще лучше – аспирантуру, то будет совсем хорошо.

Вопрос относительно Киры. Ей прежде всего надо закончить институт.

Где ей лучше всего сделать это – в Москве или Ленинграде – я не знаю. Здравый смысл подсказывает мне, что ей не следует менять институт. Некоторое время поживете в разных местах, ничего с вами не случится. По окончании института будете вместе и тогда организуете хорошую, слаженную жизнь. А пока придется жить так, как прожили истекший год. Ведь когда вы полюбили друг друга, вы знали ваше положение и были готовы к тем формам жизни, которые сложились у вас к данному времени.

Не следует много размышлять на тему о том, почему твоя кандидатура снята с обсуждения. Думаю, что дело здесь не в анкетных данных. Если бы исходили из анкетных данных, то давно был бы решен этот вопрос и не пришлось бы возиться целый год. Значит, были другие причины. Что же это за причины? Они могут быть самыми различными и неожиданными. Может быть, играет какую-то роль вопрос прописки. Хотя это глупо, но у нас все бывает. Не исключена возможность, что основанием к этому послужило твое ультимативное требование (еще перед отпуском) относительно решения вопроса о плавании или увольнении. Думаю, что ты нигде не добьешься настоящей истины в данном вопросе. Да и не стоит. Брось амбицию и возьми другую ориентировку, о которой я говорил выше. Тогда все вопросы скорее и лучше

будут разрешены. Ты должен знать, что хребет твой еще очень молодой и не окрепший. Если ты будешь настаивать на своих ошибочных требованиях и предъявлять ультиматумы, тебе могут сломать хребет. Зачем это нужно? Надо быть гибче и объективнее. При этих условиях может наступить такой момент, когда тебя могут попросить поехать в дальнейшее плавание или занять более приемлемую работу.

Я полагаю, что мое вмешательство не принесет никакой пользы, кроме вреда. Насколько я понимаю, к тебе там неплохо относятся. Это видно из того, что тебя сделали главврачом в Вознесенье, а теперь послали в хорошую больницу для специализации. Надо ценить это, а не бунтовать.

Твое приглашение очень заманчиво. Мне очень хочется посмотреть тебя, Ленинград и некоторых знакомых, проживающих там. Но я не могу сейчас приехать. Кроме всяких других важных причин, есть еще одна – отсутствие денег. Я совершенно прожился и еле-еле сумею добраться до Казани. Летом мы, вероятно, поедem в Москву и тогда постараемся заехать к тебе. Но это, конечно, пока не решение вопроса, и мы не знаем, что с нами будет до лета.

Киру и ее маму, несомненно, увижу, и мы поговорим о вашем житье-бытье.

<...>

Напишу после свидания с Кирой.

Желаю здоровья и твердости духа. Не паникуй! Все будет хорошо. Крепко тебя целую.

Твой отец.

Павел Аксенов – Василию и Майе Аксеновым

Казань. 27 ноября 1957 г.

Дорогие ребяташки!

Очень рад, что кончились терзания в связи с проблемой дальнего плавания. Нет смысла копаться в причинах. Следует только подчеркнуть, что исход этого дела, безусловно, положительный. Судьба-лиходейка хотела причинить неприятности, а доставила большую радость вам.

Поздравляю с разрешением прописки. Это значит, что вы будете вместе. Старшему поколению квартиры № 64⁷¹ будет больше канители, но, по-видимому, эта канитель не омрачит горизонтов Метростроевской улицы.

Мне говорили, что Вася планирует совмещение с работой заочного изучения литературы и прочих наук, родственных оному предмету. Вам, конечно, виднее, как и что надо делать. Я предпочел бы другой путь. Надо работать так, чтобы быть хорошим врачом. В моем понимании хороший врач имеет не только практические навыки, но и научное обобщение опыта, позволяющие ему ставить и решать теоретические проблемы. Такой подход к работе оправдывается различными соображениями: 1) это полезно для общества; 2) это интересно для ума и приятно для души и 3) это обеспечит в будущем уровень жизни, достойный культурных людей. Подобная перспектива, широко открывает двери в жизнь. Интеллектуальные данные, которыми владеет Вася, обеспечивают ему безусловный успех. Нужно только преодолеть обломовщину, поставить перед собой определенные задачи, и все будет хорошо.

Что касается литературы, то я хотел бы сказать вот что. В силу определенных причин, Вася едва ли будет играть серьезную роль на литературном поприще. Изучение в вузе литературных проблем целесообразно только для специалиста (преподаватель, писатель, журналист и т. п.). Культурный человек, не занимающийся специально литературой, может ограничить себя лишь общими познаниями в этой области. Разумеется, если есть время, возможности и способности изучения литературы, так же, как и многих других наук, не только приятно, но

---

⁷¹ Речь идет о бабушке Киры, Белле Павловне.

и, безусловно, полезно. В данном случае я веду разговор о том, что чему следует предпочесть, чем нужно заняться в первую очередь.

Вася спрашивает о моих впечатлениях в результате посещения Метростроевской улицы. Но ведь я уже высказался по телефону. Если мое впечатление и оценки имеют какое-то значение, с удовольствием – еще раз – скажу вам следующее. Кира произвела на меня самое приятное впечатление. Она умная, интересная и милая девочка. Это не значит, конечно, что следует замалчивать ее недостатки. Отмечу некоторые из них: 1) на стуле, у кровати Киры, я обнаружил сигареты, спички и пепельницу. Кира поспешила сообщить, что Вася обучил ее этому искусству. Нет надобности исследовать историю этого вопроса. Следует прямо сказать, что восприятие таких дурных качеств, как курение, не увеличивает добродетелей Киры. Это просто отвратительно и совершенно нетерпимо. Зачем нужно хорошенькой женщине подвергать опасности свое здоровье и уродовать свой внешний облик сигаретами, дымом, табачным цветом зубов, пальцев и т. п. Почему нужно пропитывать ваше жилье гнусным табачным запахом, едким дымом и грязными окурками? Зачем это? Может быть, все это делается из любви к Васе? Но в таком случае, Вася может привить Кире и другие, не менее отвратительные навыки. Нет, любовь заключается не в том, чтобы потворствовать слабостям своего возлюбленного, а в том, чтобы общими силами преодолевать эти слабости и делать жизнь более осмысленной и красочной. Я не сомневаюсь, что мы снова встретимся с Кирой и будет очень приятно, если Кира к тому времени перестанет курить и ей не потребуется заглушать табачный запах очень крепкими духами. 2) У меня создалось впечатление, что Кира слишком большая неженка и без зазрения совести эксплуатирует любовь своей бабушки Беллы Павловны. Сие вредно для бабушки и для Киры. Зная некоторые качества Васи, мне кажется, что эксплуатация качеств бабушки может удвоиться. Я был бы очень рад, если бы оказалось, что в этом пункте я ошибаюсь, и мои оценки не соответствуют действительности.

Что еще сказать о моих впечатлениях? Белла Павловна, по-моему, чудесный человек и прекрасная бабушка. Ее любовь к Кире брызжет фонтаном. Не мешало бы к этому фонтану прибавить немного **строгости**. Боюсь, что она балует не только внучку, но и мужа своей внучки. Постарайтесь внушить ей, чтобы она проявляла в отношении вас больше строгости и руководства.

15 октября совершенно неожиданно встретил Васину маму. Встреча оказалась весьма легкой. Ничего похожего на 1955 г. не было. Передо мной была совершенно чужая, очень старая и очень объемная женщина. Я познакомил ее с прописанным ей прогулочным маршрутом, посоветовал основательно похудеть, выслушал некоторые ее отзывы о своем сыне и его жене, и на этом мы расстались. <...>

В Москве мне не повезло. Московско-азиатский вирус свалил меня. Все мои попытки противостоять вирусу оказались тщетными. Даже доктор Бахус, к которому я обратился, не в состоянии был помочь мне. Провалившись несколько дней на ул. Островского⁷², я кое-как погрузил свои телеса в вагон поезда № 66 и в великих муках добрался до Казани. <...>

Неудачная и тяжелая борьба с вирусом лишила меня возможности вторично посетить Киру и ее и бабушку, но я надеюсь, что в будущем году мы снова встретимся в более счастливых условиях. Очень сожалею, что не удалось познакомиться с мамой Киры.

Вот, кажется, и все. Надеюсь получить информацию, как окончательно будут разрешены все ваши проблемы. Между прочим, мне очень понравилось описание больницы в Ивановском районе Тульской области. Если бы вы понимали поэзию жизни, вы без колебаний отправились бы туда – Вася в качестве врача, Кира в качестве преподавательницы в средней школе. Но это между прочим.

За сим желаю вам всего хорошего. Крепко целую вас. <...>

---

⁷² Аксенов-старший жил у дочери Майи.

Ваш старикан

P. S. Прошу простить за мазню. На то были особые причины.

Вы уж не сердитесь на меня за болтливость. Это, по-видимому, свойство многих пенсионеров, которым нечем заполнить свое время.

II. «Что делать, если зараза въелась крепко...»

Связка писем Василия Аксенова к Евгении Гинзбург была обнаружена в квартире его вдовы Майи после ее смерти (24 декабря 2014 г.) племянником Александром Змеулом. К сожалению, письма эти были найдены через два года после публикации в журнале «Октябрь» (2013, № 8) родительских писем к их юному и своевольному отпрыску. Она, эта публикация, так и называлась: «Анфан террибль и его родители». Часть писем Евгении Гинзбург, находившихся тогда в нашем распоряжении, не вошла в ту журнальную публикацию, потому что они относились к более позднему времени, когда Василий Аксенов стал уже более зрел и его полушутливая характеристика как анфан террибля перестала себя оправдывать.

Чтобы не разрушать уже сложившуюся и представленную читателям подборку родительских писем, оставшиеся неиспользованными письма матери мы включили в настоящую публикацию, в результате чего получилась (пусть и не полная) переписка Василия Аксенова и Евгении Гинзбург. К сожалению, писем Евгении Гинзбург этого периода сохранилось в аксеновском архиве гораздо меньше, чем его писем в архиве матери. К Аксенову же его собственные письма попали после ее смерти в 1977 году.

Писем Евгении Гинзбург в публикуемой переписке, как уже отмечено, значительно меньше, их всего восемь. При этом одно из них (даже не письмо, а торопливая записка на обрывке бумаги, написанная карандашом) хранилось вместе с письмами самого Василия Аксенова к Евгении Гинзбург в одной связке и датировано 1949 годом, а написано из магаданской тюрьмы. Туда Евгения Гинзбург была неожиданно помещена по прихоти «компетентных органов», оставивших на произвол судьбы сына-школьника, недавно приехавшего к ней с «материка» заканчивать школьное обучение.

К счастью, заключение длилось недолго, но ситуация была драматическая, о чем свидетельствует отчаянная телеграмма бабушки (матери Е. Гинзбург):

уведомление телеграфом магадан хабаровского края маглаг орлову
алексею александровичу⁷³ –

1033– боровичей 91 74 4 1845 –

умоляю узнать судьбу васи который остался магадане без жени на телеграмму посланную востребования не ответил послали телеграмму старый сангородок ответа нет не уверены точности домашнего адреса хотим выслать деньги останавливает его молчание пошлите васю на телеграф за нашей телеграммой прошу телеграфировать адресу боровичи новгородской области главная почта востребования гинзбург наталии соломоновне – нахожусь наташи месту ее работы умоляю не оставить меня без ответа – мать жени

Эта телеграмма хранилась в той же недавно обнаруженной связке писем вместе с тюремной запиской матери. Все остальные письма Евгении Гинзбург относятся уже концу пятидесятих годов, кроме последнего, которое датировано 1965 годом.

Писем Василия Аксенова тридцать. Они охватывают период от конца пятидесятих до середины семидесятих годов прошлого века.

В публикуемой переписке две сквозные темы. Первая – настойчивое стремление Евгении Гинзбург вырваться из Магадана, сначала во Львов, а затем перебраться в Москву. Ее мечта осуществилась, как это видно из письма сына, летом 1966 года.

⁷³ Кто он, Алексей Александрович Орлов, узнать уже не у кого.

Вторая тема литературная. В начале переписки – это взаимное обогащение размышлениями о литературе и о жизни двух литературных дебютантов, в конце – разговор двух состоявшихся писателей.

На рубеже пятидесятих и шестидесятих годов Евгения Гинзбург еще сомневается, стоит ли сыну всецело посвящать себя литературе, на что он отвечает: «Ты пишешь, что не стоит обращать особенного внимания на литературные дела. Конечно, я согласен с тобой, что для морального спокойствия лучше не погружаться целиком в эти дела, но что делать, если эта зараза въелась крепко».

Писем Евгении Гинзбург после 1965 года, когда ее сын стал уже одним из самых ярких прозаиков нового поколения, не сохранилось (или они пока не обнаружены). Аксеновские же письма середины шестидесятих годов и более поздние содержат подробный отчет о всех литературных (и не только литературных) удачах и неудачах. Он поверяет матери самые сокровенные размышления и факты.

Летом 1966 года, сетуя на всякие привходящие обстоятельства, мешающие ему заниматься свободным творчеством, он признается:

«Я впервые оказался в том положении, когда не могу писать того, что хочу, а должен писать то, что нужно по договорам, то, что от меня требуют или хотят другие люди. Стремлюсь к прозе, как к тайной любовнице».

Вместе с тем радуется успеху мемуарных записок матери, первой части «Крутого маршрута». Так, в письме от 10 сентября 1964 года он сообщает ей: «Москва полна слухами о твоих мемуарах. Все интеллигенты подходят ко мне с просьбами предоставить экземпляр. Те, что читали, очень высокого мнения. Нагибин выразил мне огромное удовольствие от мемуаров и просил тебе передать. Слышно ли что-нибудь из „Нового мира“?»...

Кроме обозначенных нами двух главных тем, постоянно затрагиваются в переписке дела житейские и семейные, едва ли не в каждом письме упоминаются жена Кира или сын Алексей, приемная дочь Евгении Гинзбург Антонина. Встречаются и пейзажные зарисовки. Заканчивается переписка открыткой из-под Таллина, датированной 1975 годом (уже написан или близок к завершению «Ожог»), в ней второй раз упоминается новое имя: «Майка». Через пять лет Майя станет женой писателя и разделит с ним годы эмиграции и всю дальнейшую жизнь.

Публикуемые письма, представляя собой документы ушедшей эпохи, бесценны еще и в другом отношении: они дополняют историю жизни и творческую биографию их авторов новыми деталями. Так, например, мы узнаем, что в 1960 году, помимо «Коллег» в «Юности», Аксенов отметился еще рассказом «С утра до темноты» в «Литературной газете». Также благодаря письмам становится более понятным для нас пренебрежительное отношение зрелого Аксенова к повести «Коллеги», сделавшей его знаменитым: повесть, оказывается, была написана по прямому заказу Катаева, который в этот судьбоносный для Аксенова момент был главным редактором «Юности». Для заинтересованного читателя откроется еще целый ряд других более или менее значимых фактов.

Остается только пожалеть, что не все письма этой, столь важной для будущих биографов Василия Аксенова и Евгении Гинзбург, переписки дошли до нас.

Переписка Василия Аксенова с Евгенией Гинзбург

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

*Магадан. Сентябрь 1949 г.*⁷⁴

Васенька!

Принеси мне серое ватное одеяло, две кофточка (отдай сначала в стирку, они в грязном белье), две простыни, две смены белья <...>, маленькую подушку и наволочку к ней и зеленую вязаную кофту. Еще пара 2 простых чулок. Умоляю – учись хорошо, будь деловитым и умным.

Крепко целую.

Мама

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Магадан. 11 мая 1957 г.

Дорогой Васенька!

Получила твое письмо за двойной подписью.

Очень благодарю за внимание, хотя, говоря между нами, прекрасно понимаю, сколько красноречия потратила тетя Наташа⁷⁵, пока оное письмо появилось на свет. Досадно, что фотографии вы мне так и не присылаете. А ведь еще неизвестно, увидимся ли мы в июне – июле. Мы сейчас думаем сначала поехать во Львов, к Юле⁷⁶, посмотреть там обстановку, а уже после окончания фестиваля – в Москву и Л-град. В такую толчею соваться не хотим, да и Львов надо посмотреть. Юля так соблазнительно его описывает что, м.б., и есть смысл поселиться там. Ведь под Л-дом дачи страшно дороги, да и с пропиской такая морока.

Моя первомайская телеграмма, посланная тебе в Вознесенье, вернулась обратно с пометкой: «Телеграмма №... Вознесенье, врачу Алексееву (!) не доставлена, адресат не найден». И хотя мне было ясно, что трудновато найти Аксенова под именем Алексеева, но остался от этого какой-то неприятный осадок.

В связи с получением при будущем отъезде путевки на курорт (хочу на сентябрь попасть в Кисловодск) я впервые за все годы Колымской жизни была вынуждена пройти все медицинские круги Дантова ада. (Ты читал в «Лит. газ» фельетон «Бабуся выжила»?) И вот в моих руках курортная карта, из которой я узнаю, что у меня, во-первых, гипертония (150/95), чего я никогда не подозревала, затем сердце слишком расширено влево, пульсация учащенная и т. д. Диагноз – миокардио-дистрофия, невращения на фоне переутомления. Действительно, у меня нынче такие жуткие отеки на ногах, такая отдышка и боли в области сердца, каких еще никогда не было.

Ну ладно, это тема стариковская и скучная.

<...>

Почему ты ни слова не пишешь о своей лечашей и административной деятельности? Неужели ты по-прежнему не интересуешься ею? Есть ли там, в Вознесенье, хорошие книги? Следишь ли за толстыми журналами? Я читаю в «Н. мире» эмигрантские мемуары Любимова⁷⁷. Интересно. Кончила Фейхтвангера «Братья Лаутензак»! Очень нравится. Как глубоко

---

⁷⁴ Записка из магаданской тюрьмы, куда Е. Гинзбург была помещена после внезапного ареста в сентябре 1949 года. См.: вступительную заметку, а также в разделе «Анфан террибль и его родители» письмо Е. Гинзбург от 28.02.55.

⁷⁵ Сестра Евгении Семеновны, см. раздел «Анфан террибль и его родители».

⁷⁶ Каропова Юлия (1904–1994) – магаданская подруга Евгении Гинзбург.

⁷⁷ Любимов Лев. На чужбине // Новый мир. 1957. № 2–4.

и страшно! Ни один из богов современной поэзии – ни Мартынов, ни Слуцкий – за сердце меня не берет. А тебя?

Если ты ответишь сразу, то письмо еще застанет меня в М.

Целую тебя и Киру.

Мама.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 28 января 1958 г.

Дорогие Кирочка и Васенька!

Слава Богу, что все обошлось благополучно. Я всю дорогу не могла заснуть, мне все казалось, что Кира серьезно пострадала, т. к. я видела в окно ее распустившиеся волосы и страшно испуганное, страдальческое лицо.

Как это могло случиться, что мы так заболтались и не слышали предупреждения! Соседи говорили потом, что было двукратное предупреждение всем провожающим выйти из вагона. Ну, слава Богу, все обошлось.

Рада, что сессия, наконец, закончена и надеюсь, что вы сейчас хорошо отдыхаете. Посылаю просимые рецепты. Тот, что по-русски, – в гомеопатическую аптеку, тот, что по-латыни, – в обычную.

Вася, ты спрашиваешь, почему я не пишу. Потому что у нас страшные квартирные неприятности, такие серьезные и так на меня действующие, что я просто боюсь, как бы у меня инфаркт не получился, до того нервничаю и такие у меня боли бывают в сердце. И за Антона боюсь в том же смысле. Кратко говоря, мы стали жертвой обычного в этом проклятом воровском городе обмана. Я рассказывала, что мы сняли комнату у слепой и заплатили ей за год вперед, что составило из расчета 300 р. в м-ц солидную сумму в четыре с половиной тыс. Кроме того, мы сделали на свой счет ремонт, да еще и оплачиваем все: и квартплату, и газ, и свет – не только за себя, но и за нее.

Все это мы делали, поддавшись ее обещанию уехать к мужу в Киев, где у них строится собственный дом. Они оказались негодьями, и, так как мы не взяли у них никаких расписок, то они утверждают теперь, что ничего, кроме жактовской квартплаты, от нас не получали. Потихоньку прописали сына, и теперь добиваются нашего выселения. Добиваются и через официальные каналы, и путем так называемого «выживания», вплоть до того, что закрыли свою проходную комнату, и нам приходится за водой и в уборную спускаться с 4-го этажа вниз и потом опять подниматься с ведром на четвертый этаж. Можете себе представить самочувствие. Дни проходят в бесконечном хождении по канцеляриям, причем очень трудно доказать ее подлость. То, что она слепая, вызывает сочувствие, никто не верит, что слепая может заниматься такими махинациями. Но она столько же подла, сколько слепа. Кроме того, ею пользуются как орудием ее сын – только что прибывший из лагеря уголовник – и муж, по-видимому, тоже большой жулик.

Они сейчас добиваются нашего отъезда, а затем в уже в чистую, отремонтированную нами квартиру будут вселять новых дурачков, которые, так же, как мы, поддадутся на этот наглый обман.

Вот какие дела! Мы на это потратили больше восьми тысяч и кучу нервов. А сейчас у меня такое отвратительное настроение в связи с этим, что и весь Львов мне уже не мил, особенно после Москвы. Конечно, если бы в момент отъезда из Магадана я знала, что ты, Вася, устроишься в Москве, я бы не поехала во Львов, а всеми правдами и неправдами стремилась бы в Подмоскowie, если уж не в Москву. А теперь большая половина денег уже истрачена, а угла своего все нет. <...>

В связи с этим делом никуда не ходим, только один раз была в кино, смотрели «Под властью золота»⁷⁸. В широкоэкранный идет новый французский фильм с Ф. Жераром⁷⁹, но не достанешь билетов. Да и настроение ужасное, не до этого.

Ну, будьте здоровы и счастливы. Вася, смотри, будь осторожен с туберкулезными и с электричкой.

Передайте наш горячий привет Берте Ионовне⁸⁰. Как у нее служебные дела? Такой же горячий привет и Белле Павловне⁸¹. А. Я. очень рад, что ей лучше. <...>

Всего лучшего.

Целую.

Мама

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 11 февраля 1958 г.

Дорогой Васька!

Получила твое письмо, из которого вижу, что наши мысли – насчет покупки половины дачи или установки финского домика на участке на твое имя – абсолютно совпали.

Я хочу сделать это даже в том случае, если бы львовский квартирный конфликт разрешился в нашу пользу. Все равно, даже если сейчас и останемся в Львове, то жить здесь до конца жизни я не хочу, хотя бы из-за Тони, которая с украинским сочинением не может поступить ни в одно учебное заведение. До конца семилетки она освобождена от украинского. Вот после окончания семилетки и уедем. Если же решится не в нашу пользу, то уедем нынче же.

Из всех предложенных тобой вариантов, нам больше всего понравился вариант с застройкой участка. Я очень прошу узнать все подробно: какова там природа, расположение участка, сообщение с Москвой (я в Красной Пахре не была). <...>

Мысль о постройке финского домика на участке под Москвой мне и самой приходила в голову. Я даже писала об этом Лиде Ром⁸². В прошлом году она мне указывала одну такую знакомую, у которой нет денег на строительство, но есть участок. Так что, если в Пахре хорошие природные условия и сообщение, то это как раз то, что нам надо. Разузнавай все получше и, когда дело перейдет в конкретную плоскость, я сейчас же приеду. Прояви в этом энергию, Вася. <...>

Крепко целую тебя и Кирочку. Рады ее успеху на вечере.

Привет Берте Ионовне и Белле Павловне.

Твоя мама.

Антон и Тоня всех приветствуют.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 6 марта 1958 г.

Дорогой Васенька!

Наконец-то я получила от тебя письмо, а то уж очень волновалась и собиралась телеграфировать. Настроение у меня и так тревожное, потому что за последнее время неприятности сыпятся на меня, как из рога изобилия. После квартирной передраги случилось очень тяжелое

---

⁷⁸ Фильм «Во власти золота» режиссера И. Правова по произведениям Д.Н. Мамина-Сибиряка (Свердловская киностудия, 1957).

⁷⁹ Жерар Филип.

⁸⁰ Теща Василия Аксенова.

⁸¹ Бабушка жены Василия Аксенова.

⁸² Лицо не установлено.

происшествие с Антоном. Я кратко сообщала уже вам об этом в писульке к посылочке, которую вы, надеюсь, получили. <...>

Так вот, с Антоном было совсем плохо, я уже не думала, что он выкарабкается. Но, к счастью, на этот раз обошлось.

Я проснулась ночью, точно кто меня толкнул в бок. Это, несомненно, была интуиция. Посмотрела на его диван и вижу – пусто. Я встала с постели, подскочила к дивану, смотрю: лежит без сознания на полу, весь в холодном поту, глаза остекленели, пульса найти не могу. А до этого у него был бронхит, и в результате этого бронхита возникла страшная аритмия, которая меня очень пугает. Это у него третий раз так. Мне показалось, что он уже агонизирует. Я страшно закричала, разбудила Тоню, она – соседней. Скорая явилась на этот раз действительно скоро. Дали камфару, кислород, сердечные. Откачали.

<...> Но меня этот случай так напугал, что теперь каждый раз нервничаю, когда он уходит и задержится или когда один остается дома.

<...> Квартирные дела обстоят неважно. Горисполком, правда, принял решение: обеспечить жильем вне всякой очереди. Но сам ничего не дал, а направил это решение в Красноармейский райсовет, где мы состоим на очереди. А там говорят, что конечно дадут, но когда – сказать трудно, т. к. строительство идет медленно, а все отъезжающие здесь делают разные комбинации с квартирами. Это просто удивительно – до чего в этом городе развито комбинаторство и как эпически спокойно относятся к этому те, кому ведать надлежит.

Утешают, что вот, мол, в апреле-мае начнут снова поляки выезжать в Польшу, так, может быть, что-нибудь...

Наши жулики сидят, пришипились...⁸³ Каждый день ждем от них каких-нибудь новых эксцессов, что тоже страшно нервирует.

Из твоего письма видно, что с Пахрой может что-то выйти, я очень хочу этого, да и Антон начал склоняться к тому, что надо перебазироваться на Подмосковье. Напиши мне, как только вопрос с участком перейдет в практическую плоскость. Я сейчас же тогда приеду. Ты пишешь, что у А. Н. пока ничего нет на примете⁸⁴. Это в смысле готового. Ну а насчет финского домика как? Это мне больше всего нравится.

Вася! В Ховрино, по Ленинградской дороге, живет одна моя быв. коллега по Колыме – Виноградова Анна Львовна. Женщина довольно малоинтересная во всех отношениях, кроме одного: ее муж имеет какое-то отношение к заводу финских домиков, выпускаемых в Ховрино. Он же и берется устанавливать их. Она мне говорила об этом в 56 г. Может быть, если вопрос с участком станет в конкретную плоскость, ты не поленишься в воскресенье съездить к ней, представиться, что ты мой сын, и поговорить с ней насчет возможности достать и установить нам такой домик, ну с соответствующей выгодой для них, конечно. Она мне в 56 г. говорила, что это не невозможно. Я напишу ей сама, но гораздо лучше живая беседа. Сообщаю тебе ее адрес: Ново-Ховрино, электричка с Ленинградского вокзала, 25 минут, ул. Карла Маркса, дом 2/4, Анна Львовна Виноградова.

Да, впечатление у меня от статей в «Литературке» точно такое же, как у тебя. Да, кстати, хочу тебя попросить вот о чем. Гертруда прислала мне из Берлина свою рукопись. Называется «Студенческие годы». Мемуарного типа, со многими философскими и лирическими отступлениями. Довольно интересно. Дается студенческий быт Берлинского университета 20-х гг. периода инфляции и послеверсальских времен...⁸⁵

---

⁸³ Имеются в виду квартирные хозяева Е. Гинзбург.

⁸⁴ Лицо не установлено.

⁸⁵ Окончание письма не сохранилось.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Март (после 6) 1958 г.

Дорогая мамочка!

Опять с некоторым опозданием отвечаю на твое письмо. Нас здесь очень беспокоило твое сообщение о болезни А. Я., которое было в посылке. Очень хорошо, что все кончилось благополучно.

Подарок твой был изумительным. Кирка очень тронута и горячо тебя благодарит. Как удалось простое фото сделать цветным? Это, видно, какой-то особый львовский промысел <...>.

Значит, у вас пока с жильем поспокойней? Женщина из Кр. Пахры не давала о себе знать. Но я продолжаю параллельные усилия. Ходил в райисполком и басом требовал себе участок, упирая на предвыборное выступление Н. С. Хрущева, где он призывает поощрять индивидуальных застройщиков. Но в райисполкоме дают участки только под сады, а под кап. строительство распределяет участки особое областное бюро. Говорят, что ходить туда дело гиблое, т. к. если и получишь участок, то у черта на куличиках. Ведь вблизи Москвы век уже давно застроено. <...>

Относительно мемуаров Гертруды мы осведомились у Ольги Павловны⁸⁶ <...>. Она советует послать в журнал «Молодая гвардия», именно в журнал, а не в издательство, если это интересная художественная вещь.

Ты спрашиваешь, продолжаю ли свои писания. В том-то и дело, что никак не могу избавиться от этой пагубной страстишки. Ей отдаю редкие минуты вдохновения и прилива творческой энергии. Недавно закончил рассказ «Механик с „Гамлета“». ⁸⁷ Основан он на жизненном материале – ленинградские портовые впечатления. Та же Ольга Павловна посоветовала послать его в ростовский журнал «Дон». На днях думаю это сделать. В последние дни опустил даже до стихов. Все это я проделываю на дежурствах – сейчас у меня 8 дежурств, т. к. прибавили ¼ ставки. Худ. литературу читаю в основном в электричках. Недавно прочел два рассказа Мориака⁸⁸ – «Дорога в никуда» и «Клубок змей». Очень интересно впервые прочесть вещи, где так умно, страстно и тонко средствами высокой художественности проповедуется христианская идея в лучшем смысле этого слова. Вышли эти книги в серии «Зарубежный роман XX века». Дешевое издание. <...>

В остальном все по-старому. Езжу в свою чахотку, лечу. Обещают перевести в аналогичное заведение поближе. Сама работа мне нравится, но надоело ездить до черта.

11 марта мы с Кирой отметили годовщину нашей свадьбы. Ужинали в «Метрополе». Как быстро прошел год!

Мамочка, жду от тебя писем. Крепко целую. Привет и поцелуй А.Я. и Антонине.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 22 апреля 1958 г. (?)

Дорогая мамочка!

---

⁸⁶ По-видимому, сестра Беллы Павловны.

⁸⁷ В американском архиве писателя сохранилась машинопись рассказа «Люди с „Гамлета“», опубликованная в книге: Василий Аксенов. Одно сплошное Карузо. М.: Эксмо, 2014.

⁸⁸ Франсуа Мориак (1885–1970) – французский писатель; лауреат Нобелевской премии в области литературы (1952), один из самых крупных католических писателей XX века.

Не писал тебе, т. к. с участком была до прошлого воскресенья полнейшая неясность. <...>

Сейчас органы местной власти разрешают владельцам участков уступать часть своих земель, если им трудно оплачивать эти земли <...>.

Говорят, что, имея участок, купить такой⁸⁹ домик нетрудно. <...>

Берта Ионовна снимает на лето комнату с большой террасой и двумя маленькими комнаташками. Во всех этих апартаментах будет жить одна бабка. Вы могли бы первую часть лета отдыхать там в непосредственной близости от места застройки, т. е. Ильинского. Срочно сообщи свое мнение по этим вопросам, а лучше всего приезжай сама <...>.

Берта Ионовна сегодня приехала из Новосибирска. Она ездила туда для того, чтобы оформиться на работе. Окончательно уедет в начале мая. <...>

Я работаю по-старому, с той лишь разницей, что в последнее время стал больше крутиться среди областного начальства. В ближайшее время обещают перевод. В субботу в обл. тубдиспансере мне сделали интересное предложение перейти на работу в оргметодотдел. Знающие люди говорят, что это просто счастье. Работа эта ни в коей мере не означает отрыва от практической медицины. Наоборот, нужно быть в курсе всего нового, участвовать в конференциях, консультироваться в институте <...>.

Если я соглашусь, то сначала меня на несколько месяцев пошлют на рабочее место в Институт для повышения квалификации <...>.

Засиделся я уже в этой богоугодной здравнице Подмосковья. Сезонка моя кончается, надо кончать и работу здесь. Очень уж противно вокруг страшное жулье. Этот вид воровства (у больных людей) мне совершенно омерзителен. Когда мы встретимся, я тебе порасскажу об этом.

В последние дни случился какой-то проблеск в моих литературных деяниях. Удалось установить контакт с ростовским журналом «Дон». Это новый солидный и толстый орган. Недавно послал туда свой рассказ «Механик с „Гамлета“». Герой рассказа немец, участвовал в 41 году в блокаде Ленинграда. Через 14 лет он попадает сюда в качестве механика торгового судна. Его неудержимо влечет в Петергоф, с которым связаны страшные воспоминания его молодости. В общем, произведение проникнуто антивоенным пафосом. Но есть в нем уязвимое место – немец вспоминает о любви к русской девушке, которая родилась (любовь) на развалинах Петергофа. Именно по этому месту, как я и предполагал, ударили товарищи из «Дона». Они написали, что рассказ произвел на них хорошее впечатление, но что я напрасно поэтизирую любовь советской девушки к солдату вражеской армии, что это порочит советских девушек. Они предложили мне что-нибудь изменить и снова прислать рассказ в исправленном виде. Просили присылать и другие вещи. Вообще, тон письма был деловой и благожелательный. Я еще ни разу таких писем из редакций не получал. Признаюсь, что благородного негодования я не испытал, а, напротив, испытал воодушевление и смело решил кастрировать свой рассказик, если он в этом виде подойдет для «Дона».

Вообще, оживляются мои литературные поползновения.

К сожалению, очень мало остается у меня времени для писаний. Я не могу писать, где придется, мне нужно настроиться на нужный тон и не отвлекаться. Кроме того, существенным препятствием является отсутствие пишущей машинки. У нас есть очень хорошая немецкая портативная машинка, но с латинским шрифтом. Ее можно перековать на русский шрифт, но это стоит примерно 200 рублей, а выкроить эту сумму из своего бюджета мы не можем. Если у тебя есть возможность, мамочка, ассигнуй мне такую сумму, я буду тебе очень благодарен.

23.04. Мамочка! Сегодня Берта Ионовна узнала, что кто-то продает половину дома за 60 т. Считаю, что тебе нужно приехать и самой включиться.

⁸⁹ Сборный домик.

Жду. Целую. Привет от Б. И. и Б. П. Поцелуй от Киры.
Как здоровье Антона Яковлевича?
Твой Васока.
Поздравляем вас всех с 1 мая.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 23 апреля 1958 г.

Что-то, милые Кира и Вася, не балуете вы меня своим вниманием. Письмецо от Вас получить не так-то просто. Для этого требуется, по меньшей мере, двенадесятый праздник. Вот и сейчас жду, авось первого мая получу.

На мое последнее письмо ответа нет. А я очень беспокоюсь все время за твое здоровье, Вася. Проверяешься ли ты, не инфицировался ли? Какие перспективы на перемену работы? Кроме того, сейчас очень меня беспокоит, как изменилась ваша жизнь в связи с отъездом Берты Ионовны, если он состоялся. А может быть, к счастью, что-либо в этом направлении изменилось?

Как твои попытки насчет участка в Ильинском? Как Кирина учеба? Как здоровье Беллы Павловны?

У нас с квартирой по-прежнему полная безнадежность, хоть мы и имеем это «особое» постановление. Теперь я окончательно убедилась, что оно является лишь бюрократической отпиской и страховкой для чиновников от обвинений в бездеятельности. Мои московские друзья один за другим получают квартиры в новых комфортабельных домах. Я только за последнее время получила два таких известия и послала два поздравления с новосельем. Такая уж у меня судьба – всю жизнь плясать на чужих свадьбах.

Жизнь течет довольно уныло. Делю свое время между хождением в жилищные органы с высиживанием очередей и хозяйственными делами. Только вечер отводится для чтения и писанины. Недавно получила от магаданского радио письмо с просьбой не забывать их, посылать материалы, интересующие их. С великим удовольствием сделала бы это, но категорически не нахожу здесь материалов, которые могли бы интересовать Магадан.

Здесь в Союзе писателей, оказывается, есть русская секция. Хочу свои воспоминания о рабфаке⁹⁰ дать туда на рецензию. Мой предполагаемый московский рецензент Злобин⁹¹ уехал во Францию, так что это дело отложилось на три месяца.

Пишешь ли ты, Вася, что-нибудь и почему не делаешь попыток печатать? Живя в Москве и имея родственников в лит. кругах, ты должен проявлять в этом отношении гораздо большую активность.

<...>

Прочла «Дорогу в никуда», которая понравилась мне меньше, чем «Клубок змей».

Сейчас читаю очерки С. Цвейга о Верхарне, Бальзаке и др.

Наверно, это показатель моего возраста, но я сейчас явно предпочитаю мемуарный жанр, публицистику, лит. критику – самой беллетристике, тем более, что так редко попадает что-либо настоящее.

Вася! Я тебя очень прошу быть поаккуратнее в переписке и не заставляй меня тревожиться зря.

Как живет Майка? Передай ей от меня привет и поцелуй. Целую вас обоих.

Привет Белле Павловне, а, если не уехала Берта Ионовна, то и ей.

Мама.

---

⁹⁰ Воспоминания Е. Гинзбург «Так начиналось. Записки учительницы» будут опубликованы в 1963 году в Казани.

⁹¹ Злобин Степан Павлович (1903–1965) – писатель, автор популярного романа «Степан Разин».

А. Я. и Тоня кланяются.

Евгения Гинзбург – Василию Аксенову

Львов. 17 июня 1958 г.

Дорогой Васенька!

Наконец-то получила твое письмо. Ты пишешь, что от меня долго ничего не было. Это неверно. Я написала сразу, дней через пять, после возвращения. Наташе я, действительно, долго не писала, т. к. при таком настроении нет никакого желания действовать на нервы другим.

А вот от тебя долго не было ответа на мое письмо, и я уже сильно волновалась, как там с твоим переходом на другую работу и с дачными делами. Очень рада, что ты, наконец, развязался с этой работой. Она меня очень угнетала постоянным страхом перед возможностью инфекции. Рада я и тому, что тебе дали эти три месяца усовершенствования. Это во всех отношениях хорошо. И, конечно, надо держать линию на аспирантуру. Литературным занятиям это ничуть не помешает, наоборот, будет давать необходимый жизненный материал.

Наши дела все в том же плачевном состоянии. Все чиновники, ведающие этим делом, категорически заверяют, что мы имеем право, получим и. т. д. и т. п., но дело за малым – в данный момент ничего нет. Все это надоело настолько, что просто жизнь не мила. Ведь каждый день начинается с хождений по этим местам и с унижительных разговоров. <...>

Ты спрашиваешь о планах. Так или иначе, но в начале июля я приеду. Чувствую себя настолько плохо, что отдохнуть обязательно надо, иначе свалюсь!

У меня развилась страшная бессонница. От нее я страдаю, старею, извелась совсем. Как поступить с квартирой, с Тонькой – все это придется решить в последний момент. Послезавтра она должна сдавать экзамен в музыкальную школу. От исхода будет зависеть, как с ней поступить на лето. Везти ее, во всяком случае, никуда не придется, т. к. скоро начнутся, для переэкзаменовочных, занятия в школе. В лучшем случае, может быть, удастся на одну смену в пионерлагерь. <... > Очень прошу тебя – держи меня в курсе всех дел, пиши чаще.

Если решим ехать в Ригу, то я тебе дам телеграмму еще до нашего выезда в Москву, чтобы ты заказал с доставкой на дом билеты Москва – Рига. Ведь сейчас сезон, и достать сразу будет очень трудно.

Сейчас, наверно, у Киры уже все подходит к концу? Ну, молодец она, что сдала французский на 4.

Как с ответом из «Дона»? Написал ли ты им, что этот рассказ уже был у них и получил положительную рецензию? А то ведь он может попасть к другому лицу, и все начнется сначала.

Я по вечерам немного занимаюсь переработкой «Рабфака» и рассчитываю закончить к концу месяца. Но пристроить куда-нибудь вряд ли удастся. Об этом неплохо было написано в фельетоне «Профиль с тремя глазами». Недавно был в «Литературке».

Сегодня ровно год, как мы прибыли во Львов. Результаты самые плачевные. Больше половины денег растрчено, а жилья все еще нет. Да, если бы ты немного раньше переехал в Москву, дело с дачей давно было бы сделано.

Жду быстрого ответа и желаемых сообщений. Крепко целую тебя и Кирочку. Привет бабушке и другим знакомым мне родственникам. Будете писать Б. И.⁹² – кланяйтесь от меня. Как она устроилась на новом месте?

Какая погода в Москве? Здесь неплохо. Раза два выезжали на воскресенье в Брюховичи⁹³.
Мама.

---

⁹² Берта Ионовна, мать Киры.

⁹³ Поселок неподалеку от Львова, климатический курорт.

Привет от наших.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 1 сентября 1958 г.

Дорогая мамочка!

Вчера вернулись. Не обошлось без приключений. В Ленинграде за 10 минут до отхода поезда обнаружил, что потерял багажную квитанцию. За 5 м. заполнял длинную анкету, в которой нужно было перечислить все содержимое чемоданов. Впрыгивали в движущийся поезд.

Отдохнули очень хорошо⁹⁴. Хороших солнечных дней все-таки было больше. Загорали, купались, ходили по грибы.

<...>

В Ленинграде мы были у тети Наташи. Она сказала, что вам пришлось вселяться с помощью милиции. А бабушка поведала нам другую весть – будто пациенты Антона Яковлевича нашли вам во Львове хорошую квартиру. Что же получилось в действительности?

Мой несчастный «Механик» приплыл назад из «Невы» под флагом довольно солидной рецензии, подписанной Петром Ойфа⁹⁵ (есть такой). В рецензии говорится, что сюжет очень нужный и жизненный, но он не раскрыт в силу недостатка у автора изобразительных средств – «беглый пересказ событий». Теперь я, кажется, понял, как нужно, перепишу заново и пошлю в третий раз.

Интересно что же это за «Доктор Живаго»?⁹⁶

Мамочка, жду от тебя писем. Как сдала Тоня? Перешла ли в следующий класс?

Крепко целую.

Вася.

Привет и поцелуй от Киры.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 15 сентября 1958 г.

Дорогая мамочка!

Сегодня получил твою посылку с фруктами. Большое спасибо, все были тронуты. Яблоки не пострадали, часть груш побилась, но все равно они потрясающе вкусные. К сожалению, я тебя обрадовать не могу, напротив, два дня назад пришел ответ на твое прошение. Видимо, в секретариате Фурцевой⁹⁷ письмо сразу же, не вникая особенно, отослали в Мособлсовет, а там подошли обычно, т. е. формально. <...>

Читаю сейчас «После свадьбы» Гранина⁹⁸. Поначалу кажется ах-ах, ну а потом все правильно.

Я, обескураженный своими литературными неудачами, задумал повесть⁹⁹. В ней речь пойдет о «лишних», о тех, кто уцепился за большие города, о ложной романтике, которая приводит к преступлению, в общем, нравоучительное.

Что у вас новенького? Какие сдвиги с квартирой? Как учится Тонька? Как здоровье?

Жду писем. Привет и поцелуй от Киры.

---

⁹⁴ Видимо, на Финском заливе под Ленинградом.

⁹⁵ Петр Наумович Ойфа (1907–1987) – русский советский поэт.

⁹⁶ Прочсть роман Пастернака было практически негде, самиздат только начал развиваться.

⁹⁷ Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) – министр культуры.

⁹⁸ Роман Даниила Гранина «После свадьбы» (1958) посвящен судьбе молодого изобретателя, посланного комсомолом на работу в деревню.

⁹⁹ Имеется в виду будущая повесть «Звездный билет».

Целую.
Твой сын.

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Москва. 9 октября 1958 г.

Дорогая мамочка!

Получили ли вы, наконец, квартиру? Мне кажется, надо уж брать эту комнату 19 м. Потом уже можно будет с Москвой решать спокойнее.

<...>

Я с 1 октября начал работать в областном диспансере. Уж е сделал 4 выезда в область. Мне это довольно нравится, но сидеть 6 часов в день и шелестеть бумажками – это невыносимо. Плохо то, что в связи с характером работы трудно взять совместительство, а без этого получается маловато денег. Думаю, облагнеть и поискать работы на неотложной помощи. В последнее время много писал. Сейчас два моих рассказа путешествуют по СССР. В скором времени ожидаю их благополучного возвращения. Решил упорно долбить журнал «Дон».

Очень одобряю твое решение писать о прошедшем. Читала ли «Братьев Ершовых»?¹⁰⁰ Бессмертный образчик, правда?

Как здоровье у тебя и А. Я. Каковы Тонькины музыкальные и школьные успехи? Очень прошу Антона Яковлевича выслать рецепт против перхоти, сухости и раннего облысения, а то мне уже Кира грозит разводом.

Мамочка, крепко тебя целую, Кира тоже.

Бабушка шлет привет.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Москва. 7 декабря 1958 г.

Дорогая мамочка!

Долго не отвечал на твое письмо – работы по горло. Сейчас мне временно прибавили 0,5 ставки, работаю до 6 часов вечера в очень напряженном темпе. Устаю. Постепенно наступает разочарование. Как-никак работа все-таки целиком бумажная. Единственная отдушина, это поездки по области, но сейчас, зимой, это тоже не очень приятное занятие. Относятся здесь ко мне неплохо, но живым словом перекинуться не с кем – врачи все пожилые, погрязшие в своих делах.

Все свободное время отдаю писанию. За последнее время написал 2 больших рассказа и 1 маленький. Если твое положение в литературном мире Львова так прочно, может быть, ты сможешь пристроить какой-нибудь мой опус? Тема самая злободневная. Я тогда тебе его перешлю. Из Ростова и Ленинграда ни ответа, ни привета. Видимо, не понравился нагловатый тон моих сопроводительных записок. Раньше хоть отвечали вежливым отказом.

В День поэзии ходили с Кирой по книжным магазинам. Впечатление самое негативное. День этот проходил в атмосфере невероятной скуки и казенщины. Публика тихо стояла в очереди за автографами, так же, как стоят за яйцами. Организаторы даже не удосужились сообщить, кто где выступает. Мне очень хотелось поглядеть и, может быть, поговорить с Мартыновым¹⁰¹, но только к концу дня узнали, что он выступает где-то у черта на куличиках. <...>

---

¹⁰⁰ Одиозный роман Всеволода Кочетова, опубликованный в журнале «Нева» (1958, № 6, 7), – идейный антипод пастернаковскому «Доктору Живаго».

¹⁰¹ Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980) – поэт, особенно популярный в период хрущевской оттепели.

Что новенького у вас, как здоровье твое и А. Я.? Как новая квартира? Разделились ли? Получили ли ордер? Что нового в литературных делах? <...>

У меня сейчас «Размышления о кино» Рене Клера. Написано в любопытной форме дискуссии Р. Клера 1950 г. и Р. Клера 20-х годов. Что необычно для нас – не навязывает своего мнения, а дает возможность читателю самому пораскинуть мозгами.

Целую.

Твой сын.

Привет и поцелуй от Киры.

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Москва. Март (?) 1959 г.

Дорогая мамочка!

Как вы отдыхаете? Как устроились в санатории? Какая стоит погода? Работаешь ли ты над повестью и как далеко подвинулась? Я потихоньку катаю свою «большую вещь». Конечно, от своих намерений, о которых я тебе говорил¹⁰², я почти отказался. Не по плечу этот опасный груз. Проблемы буду ставить в морально-этическом плане. Ужасно страдаю от недостатка времени. Работа выжимает слишком много соков и с каждым днем становится все нуднее. Может быть потому, что за окнами все чаще появляется солнце? Если бы не было поездок, можно было бы очень запросто заделаться настоящим Акакием Акакиевичем, делопроизводителем. В поездках же я себя чувствую чиновником по особым поручениям, дышу свежим воздухом, наблюдаю происшествия, вообще живу.

Вчера звонила Озерова¹⁰³ из «Юности». Сообщила, что из тех двух рассказов, которые я им отнес в последний раз, они один берут (тот, что про продавщицу)¹⁰⁴, и попросила принести мою фотокарточку. Жду не дождусь июня. Да неужели это сбудется? Никак не могу поверить и не поверю, пока не ощущу в руке липкие купюры гонорара. На днях ходил в журнал «Москва». Опять же по рекомендации В. М.¹⁰⁵ Журнал, как говорят, прогорает, но пытается оживить работу, привлекая молодых. Мне предложили написать какие-нибудь лирические новеллы для подборки «Прогулки по Москве». Для того, чтобы составить обо мне представление, взяли мои зарисовки, помнишь, «улицы, площади, перекрестки...». Я заранее уверен, что они им не понравятся, т. ч. вряд ли что-нибудь из этого выйдет. В отдел прозы «Москвы» я отдал рассказ о немецком моряке. Как видишь, продолжаю нахально лезть в литературу. Ни о чем другом, о медицине, научной деятельности сейчас думать не могу. Рискованная игра, но интересная.

Подробно опиши ваше лечение в Крыму. Когда собираешься снова быть в Москве? Тонька скоро без тебя совсем одичает. Как у нее в школе?

Жду писем. Привет и поцелуй от Киры. От бабушки тоже. Крепко тебя целую,

Мамочка.

Твой сын

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Москва. 25 апреля 1959 г.

Дорогая мамочка!

---

¹⁰² По-видимому, имеется в виду разговор во время приезда Е. Гинзбург в Москву проездом на отдых в Крым.

¹⁰³ Мэри Лазаревна Озерова (? – 2003) – редактор отдела прозы.

¹⁰⁴ По-видимому, по каким-то причинам потом это решение было изменено, и в июньский номер были поставлены рассказы «Наша Вера Ивановна» и «Асфальтовые дороги». Рассказ «про продавщицу» не известен.

¹⁰⁵ Вероятно, Владимир Михайлович Померанцев.

Очень долго не писал – поверишь ли, совершенно нет времени. Очень много работаю и на службе и дома. Получила ли ты лекарство? Я послал его сразу же после получения твоего письма <...>. Когда ты собираешься ехать к Мандельштаму?¹⁰⁶ Поедешь прямым или через Москву? На обратном пути, конечно, будешь в Москве. Ответил ли тебе Злобин относительно повести? Как реагировали из Казани?¹⁰⁷

Я тебе еще не сообщал о встрече, которая у меня состоялась с В. П. Катаевым. Дело было еще в марте. Я болел гриппом после того, как целую ночь стоял на стадионе в очереди на американский балет. Вдруг звонок из «Юности» – Катаев просит прибыть для переговоров. Оказалось, что произошло следующее. Шеф пришел утром в журнал с новой идеей (говорят, это с ним часто случается) – роман с научной медицинской проблемой, с элементами фантастики, лирики и т. д.

– Есть среди авторов врачи? – спросил он.

Ему сказали мою фамилию. Он вспомнил¹⁰⁸, сказал, что этот подходит, и потребовал к себе. Ну, я, конечно, прискакал рысью, невзирая на температуру. И вот собрались они в главном кабинете – Катаев, Железнов¹⁰⁹, Преображенский¹¹⁰, зам. гл. редактора, и Озерова – и давай меня пугать и соблазнять. Катаев был весьма любезен, хохмил, предложил почитать «Жизнь пчел» Метерлинка, сказав, что это приблизительно в таком духе, в каком ему хотелось бы видеть роман.

– Понимаете, я знаю, что хочу, но сказать не могу, как собака.

Потом он много распространялся о таинственном характере многих бытовых явлений и в довершение сказал, что они¹¹¹ переросли детектив и хотят поднять проблему борьбы за жизнь людей.

Я сказал, что сейчас пишу повесть, а после с удовольствием возьмусь за эту тему¹¹². На этом я закончил разговор.

Повесть¹¹³ продвигается медленно. Писать удается в среднем не больше 1–1,5 часов в сутки. К тому же на работе у меня сейчас очень напряженно. 6-го мая я должен делать доклад на областной конференции. Поднимаю громадный статистический материал, рисую диаграммы и таблицы. Объявили благодарность к 1-му мая. Ценят. Все же написал пять глав. Каждая примерно размером на печатный лист. Написанное нравится мне и Кирке, может быть, потому, что там многое напоминает нашу жизнь в порту и в Вознесенье¹¹⁴. Затрагиваю я там сложную проблематику и временами прихожу в ужас, думаю, что не удастся выбраться с честью и придется упрощать.

Кира сдала экзамен по стилистике. Теперь в мае ей предстоит защита диплома, а в июне госэкзамен. <...>

Дорогая мамочка, поздравляю тебя от себя, от Киры и от Беллы Павловны всех вас с 1-м Маем.

Крепко тебя целую.

Твой сын.

¹⁰⁶ Лицо не установлено, по-видимому, врач.

¹⁰⁷ Речь идет о публикации воспоминаний о рабфаке Е. С. Гинзбург.

¹⁰⁸ Видимо, рассказы В. Аксенова «Наша Вера Ивановна» и «Асфальтовые дороги», которые будут напечатаны в № 7 «Юности» за этот год, уже были приняты к печати.

¹⁰⁹ Леопольд Абрамович Железнов (? – 1988) – ответственный секретарь редакции.

¹¹⁰ Сергей Николаевич Преображенский (1908–1979) – зам. главного редактора.

¹¹¹ То есть журнал «Юность».

¹¹² В следующем году повесть «Коллеги» о молодых врачах будет опубликована в «Юности».

¹¹³ «Звездный билет».

¹¹⁴ Место работы Василия Аксенова в Ленинградской области.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Конец мая 1959 г.

Дорогая мамочка!

Как всегда задержался с ответом и как всегда, извиняюсь. Как у вас дела? Как ты себя чувствуешь? Май истекает, следовательно, Мандельштам был во Львове? Или ты ездила в Ленинград? Ведь в мае срок контроля. Прошу тебя срочно написать мне об этом. Как себя чувствует Антон Яковлевич? Как школьные дела Антонины? Каково дальнейшее движение твоей повести? Не так давно был в «Юности» и зашел вторично познакомиться с И. А. Питляр¹¹⁵. Она сказала мне, что состоит с тобой в активной переписке относительно рукописи и собирается предложить ее в какое-нибудь издательство. Что тебе ответили из Казани? Между прочим, Померанцев¹¹⁶ считает, что Злобин вряд ли сможет помочь. Он говорит, что в соответствующих кругах к Злобину не очень-то хорошо относятся. Не знаю, может быть, он и ошибается. Хорошо было бы тебе познакомиться с Померанцевым, когда ты вновь будешь в Москве. Он очень приятный человек и может помочь добрым и дельным советом.

Кажется, я уже писал тебе, что в 6-м номере мои рассказы не пойдут. Как мне объяснили, номер этот, задуманный как молодежный, распался в связи с тем, что Катаев зарезал повесть (стержень этого номера)¹¹⁷. Рассказы должны пойти или в 7-м или в 8-м номере¹¹⁸. Во всяком случае я уже отнес туда свое фото и автобиографию¹¹⁹. Хочется верить, что это будет. Не знаю, какой им смысл водить меня за нос. Тем более, они интересуются повестью, а также все время спрашивают, собираюсь ли я выполнять катаевский заказ. Повесть двинул вперед – закончил вчерне седьмую главу. Всего будет 12 глав. Объем листов 10–11. Постепенно вырисовывается архитектура. Сюжет идет по двум линиям, плетется, как веревка. В конце узел. Положительного героя решил убить. Совсем недавно решил пустить философскую струю, этакий солипсизм, который, конечно, будет развенчан. Мне кажется, что это стоит сделать, ибо с этой точки зрения взгляд на смысл жизни давно не освещался, и неплохо было бы об этом напомнить нашим бодрячкам. Не знаю, как это все у меня получится. Хватит ли слов и сил?

На работе у меня все по-старому. В начале марта делал доклад на областной конференции. Прошло довольно сносно. Все-таки с осени я думаю обязательно переходить на лечебную работу. Надоело заниматься с бумажками. Единственная приятная сторона в этой работе – разъезды. Недавно ездил в Волоколамск и любовался потрясающими лесами и рельефами. Теперь, после года жизни в Москве, я стал особенно остро чувствовать природу. Раньше я совершенно не замечал природы и считал, что высшая красота заключена в урбанистическом пейзаже. Даже стихи писал об этом. Теперь мне город надоел.

Книжек совершенно не читаю, т. к. в связи с писанием совсем нет времени. При дальнейшей моей литературной работе есть возможность умственно деградировать. <...>

Мамочка, жду от тебя писем. Крепко целую. Привет и поцелуй от Киры.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 7 июля 1959 г.

---

¹¹⁵ Эсфирь Хаскелевна Питляр (1915–2007) – литературный критик, псевдоним – Ирина Александровна Питляр.

¹¹⁶ Владимир Михайлович Померанцев (1907–1971) – писатель; его статья «Об искренности в литературе» («Новый мир», 1953) стала одним из самых значительных документов периода оттепели.

¹¹⁷ Чья была повесть, нет сведений.

¹¹⁸ Рассказы «Наша Вера Ивановна» и «Асфальтовые дороги» появятся в № 7 за 1959 г.

¹¹⁹ См.: письмо В. Аксенова от марта (?) 1959 г.

Дорогая мамочка!

<...> Как вы отдыхаете в Карпатах? Поправляется ли Антон Яковлевич? Как ты себя чувствуешь, и какие у тебя планы относительно повторного свидания с Мандельштамом? Какие у вас планы на август? <...>

Мамочка, сегодня у меня большой день. Открываю утром «Литературку» и в подборке «Журналы в июле» читаю: «с двумя первыми рассказами „Наша Вера Ивановна“ и „Асфальтовые дороги“ выступит врач В. Аксенов». К счастью, я был один в кабинете и мог беспрепятственно прыгать и бормотать что-то идиотское. Дело в том, что я никак не мог поверить, что появлюсь на свет Божий, даже тогда, когда в начале июня читал верстку и рассматривал иллюстрации. Но теперь, кажется, дело верное. А вдруг сгорит? А вдруг ...?

Вот такие у нас новости. Жду с томлением гонорара. Читаю сейчас Паустовского «Время больших ожиданий». Ты, конечно, читала? Кроме того, прочитал недавно изумительную книжку Сарояна «Приключения Весли Джексона»¹²⁰. Интересно бы узнать твое мнение о ней. Почти совсем сейчас не пишу, а все потому, что осадили друзья. Зимой мы были совершенно одни, а тут повалили казанцы и ленинградцы – Марик, Валерка, Борис. После сдачи Киркой последнего экзамена (а сдала она все на четверки) шумно развлекались.

На работе по-прежнему изнемогаю до 6 вечера. Сейчас опять замещаю одного консультанта – консультирую подростков. Несколько раз летал в дальние районы области на самолетах санитарной авиации. Великолепное ощущение испытываешь во время полета на этих маленьких самолетах. <...>

Мамочка, на этом я кончаю и жду от тебя писем. Привет тебе от Берты Ионовны и бабушки. Привет и поцелуй от Киры.

Целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Зеленогорск. Июль 1959 г.

Дорогая мамочка!

Не знаю где ты сейчас находишься, но на всякий случай пишу второе письмо во Львов (открытку послал еще из Булдури)¹²¹. В конце июля я отправил тебе в Мукачево бандероль с экземпляром «Юности»¹²². Получила ли ты ее? Сейчас мы находимся в Зеленогорске¹²³. Хотели пробыть здесь не больше недели, но Юлия Ароновна¹²⁴ настаивает на том, чтобы мы здесь пробыли до 14-го, т. е. до конца моего отпуска.

На Рижское взморье я приехал 11/VIII. Две недели наслаждались великолепной погодой, солнцем, морем и песочком. Успел основательно загореть. Однако 26-го погода резко изменилась. Подул сильнейший ветер, на море ежедневно штормы, начались дожди. Уехать мы не могли, т. к. заранее взяли билеты на 31 августа и оплатили комнату тоже по это число. Таким образом, за время пребывания на Взморье мы смогли увидеть и нетипичное лето и типичную осень, ажиотаж разгара сезона и его меланхолическое закрытие. В жаркие дни пляж представлял собой потрясающую картину. Даже на юге не видел я ничего подобного. Два сравнения все время приходили в голову – тюлень лежбище и битва на поле Куликовом. Непогода как метла прошла по пляжам, и остались только редкие скучные фигурки в теплых пальто – наи-

---

¹²⁰ «Приключения Весли Джексона» (1946) – пацифистский роман американского писателя Уильяма Сарояна (1908–1981).

¹²¹ Курортный поселок в Юрмале.

¹²² «Юность», № 7, где впервые опубликованы рассказы Василия Аксенова. См.: предыдущее письмо.

¹²³ Курортный город в Ленинградской области.

¹²⁴ Бабушка Киры по отцу.

более стойкие «ловцы ионов». Тогда мы стали ездить в Ригу. Город мне очень понравился и его обитатели тоже. Несмотря ни на что – это совершенно европейский город. Особенное впечатление произвела на меня Старая Рига ... эти улочки, где не проехать автомобилю, замысловато-изломанная кора старинной черепицы, мансарды, балкончики, всевозможная готика. Однажды подошли мы к церкви Св. Якова (постройка – постройки? – XIII века). Двери были открыты, но внутри чернота, пустота и раскаты органа. Потом сверху забухали шаги – спустился органист, очень любезный старик. С полчаса мы с ним беседовали, Кира рассказывала ему анекдоты о Гедике. Он пригласил нас в воскресенье на службу. Итак, в воскресенье мы впервые в жизни были на службе в католической церкви. Поразило обилие истово молящихся молодых людей и подростков с родителями. После службы органист показывал нам орган и давал пояснения. Сделали много снимков в Ст. Риге. Киру очень интересовали рижские магазины. Как я и предполагал, слухи о изобилии каких-то особенных товаров там оказались творимой легендой. В основном та же продукция, что и в московском ГУМе. Интересные штучки <ириэб> продаются в салонах «Манели». Купили там несколько штучек.

Мамочка, я очень виноват, что не смог посетить в Риге твоих знакомых. Дело в том, что в наше отсутствие хозяйка убиралась в комнате и вместе со старыми газетами выбросила твое письмо, где были их адреса. А в справочном бюро я узнать никак не мог, т. к. помнил только имя Вильгельмина и ничего больше. Надеюсь, ты не очень на меня за это рассердишься?

Сейчас в Зеленогорске пусто, остались здесь только местные жители и старые большевики. Дождей пока нет, но прохладно и не особенно уютно. Гораздо больше мне хотелось бы пожить сейчас в Ленинграде, но Ю. А.¹²⁵ без нас не может остаться на даче (дача стоит в лесу). Состояние ее очень неплохое, но все-таки тревожное. Кира тебе шлет привет и поцелуй. Привет и поцелуй А. Я. и Тоне. Жду от тебя писем в Зеленогорск или в Москву.

Целую.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Таллин. 26 февраля 1960 г.

Дорогая мамочка!

На три дня задержал тебе ответ, т. к. приехала Кира и мы с ней мотались по гостиницам <...>.

Сегодня Кира уехала. Мамочка, она действительно беременна уже 2,5 месяца. Таким образом, у нас возможно увеличение семейства. Отношение мое и Киры к этому двойственное. С одной стороны, мы, естественно, рады и понимаем, что когда-то нужно иметь ребенка, но, с другой стороны, когда начинаем думать о жилищных условиях и семейной обстановке с учетом особенностей членов семьи, становится неуютно на душе. Я даже не представляю, как сложится наша жизнь в новых условиях на Метростроевской 6. Сколько тяжелых и никчемных вопросов ставит наша жизнь!

Вчера я получил второе письмо из «Юности». Сообщают, что предполагают опубликовать повесть¹²⁶ в № 6. В связи с этим в середине марта необходимо подать переработанный текст. Пишут, что очень желательно было бы мое присутствие в это время, т. к. начнется редакторская работа. Предполагают написать просьбу начальству, чтобы меня отпустили на месяц раньше. Но из этого, понятно, ничего не получится. Самое большее, на что я могу рассчитывать, это отпуск на неделю. Впрочем, почему бы не попробовать? Если бы начальство пошло

---

¹²⁵ Юлия Ароновна.

¹²⁶ «Коллеги».

навстречу просьбе журнала, я бы, конечно, смог приехать и к тебе. Словом, ближе к этому сроку я закину удочку и немедленно сообщу тебе.

Как видишь, мамочка, с повестью дела идут неплохо. Озерова прислала мне в пакете десятка три листов из рукописи с пометками Катаева. Большинство негативных замечаний относится к первой главе – поля так и пестрят: «плохо», «дилетантски», «жуть!» и т. д. А потом идут целые страницы, помеченные «хорошо» и в конце – «в общем, хорошо». Ах, как досадно, что в такой момент я нахожусь в Таллине. Не исключена возможность, что из-за этого может все сорваться. Правда, работаю ежедневно, но не больше 2 часов в день. Ты пишешь, что не стоит обращать особенного внимания на литературные дела. Конечно, я согласен с тобой, что для морального спокойствия лучше не погружаться целиком в эти дела, но что делать, если эта зараза въелась крепко.

Я тешу себя мыслью, что когда-то у меня создадутся такие условия, что я смогу писать по-настоящему и только свое. И тут, как предостережение, вспоминаешь рассказ Гранина «Собственное мнение». Помнишь? Посмотрим, посмотрим, что будет дальше. По-моему, глупо будет отпустить сейчас вожжи.

Мамочка, как сейчас у тебя дела? Успокоилась ли немного? Старайся занимать как можно больше времени, читать, писать, ходить в кино. Очень приятно, что Антонина ведет себя хорошо и серьезно. Нет ли каких-нибудь сдвигов в квартирных делах?

Чертовски надоела служба, хотя здесь временами бывает весело. Ребята хорошие – это хорошо. Физически чувствую себя хорошо, немного похудел. Воздух здесь, в нашем районе, исключительный. Много играем в пинг-понг.

Мамочка, извини, что задержался с ответом. Впредь буду аккуратнее. Жду от тебя писем. Крепко целую тебя и Тоню.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Таллин. 9 марта 1960¹²⁷.

Дорогая мамочка!

Я даже не поздравил тебя с 8 марта. Не смог дать телеграмму – в кармане ни пенса. Поздравляю тебя с праздником, но с большей радостью поздравляю с получением разрешения на обмен.

Теперь о моем приезде во Львов. Дней 10 назад я говорил по телефону с «Юностью». Озерова сказала, что на следующий день организует письмо начальнику отдела кадров Балтийского флота. Наш начальник как раз сейчас уехал в Калининград, в Главный штаб. Вернется он через несколько дней. Думаю, что с его приездом все решится. Однако надежд у меня на этот счет немного. Дело в том, что двое парней из нашей команды попали на гауптвахту, и нам сейчас усилили режим, отобрали паспорта и непрерывно докучают с разными идиотскими строгостями. Все будет зависеть от того, как отреагируют в Калининграде на письмо из «Юности». Когда все выяснится, немедленно сообщу тебе. Отослал в редакцию две первых переработанных главы. Сократил начало на 28 машинописных страниц. Сейчас работаю над основным текстом. Здесь меня потянуло на стихи. Решил перед каждой главой (их теперь будет 11) сделать своеобразные лирические эпиграфы из двух-трех четверостиший. В разговоре по телефону Озерова еще раз подтвердила, что повесть¹²⁸ планируется на № 6, в июне. Очень было бы обидно, если бы это все сорвалось. А сорваться может из-за моего отсутствия в Москве. <...>

---

¹²⁷ В это время Аксенов был на лагерных сборах от военкомата.

¹²⁸ «Коллеги».

Думаю, немедленно по приезде в Москву попробовать встать на очередь. Очень хочется начать жить своим домом. Надоело нам с Кирой чувствовать себя детками под бдительным оком бабки. Возраст у нас для этого давно вышел. Вот какие дерзкие желания возникают у молодого человека нашей эпохи. Я страшно буду рад, когда ты поселишься в Москве. Это ведь тоже надоело, что самые близкие люди разбросаны за тридевять земель друг от друга. Всегда можно будет прийти и поговорить, и посоветоваться и все такое.

Чертовски надоело пребывание в Таллине, в основном из-за занятий. Занятия страшно нудные и никчемные. Какая-то игра, которую проводят на полном серьезе. А по вечерам в «кубрике» у нас весело. От совместной жизни с людьми одного с тобой возраста, к тому же знакомых по институту, как-то молодеешь. Мы здесь поставлены в какие-то полувоенные, полустуденческие условия. Больше всего наш «Космос» напоминает колледж с пансионатом и внутренним содержанием. Хохмим страшно, немного огрубели, ввели в обиход многие крепкие словечки, почти забытые мной за время жизни в Москве. Относимся друг к другу очень хорошо. Если бы не внутреннее беспокойство, связанное и с тобой, и с Кирой, и с литературными делами, жизнь моя здесь была бы полностью беззаботной. И несмотря на это, постоянно думаешь о своем, о том, от чего тебя оторвали, и хочется поскорей вернуться к этому. Честно сознаюсь, что был тут у меня короткий период, когда я забыл о том, что я уже более 3 лет не студент, и встал на «боевую тропу». Сейчас этот период прошел. От него остались только легкие угрызенья совести и долги. <...>

Крепко тебя целую.

Привет и поцелуй Антонине.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Таллин. 23 марта 1960 г.

Дорогая мамочка!

Вчера получил твоё письмо, а сегодня деньги. Деньги меня здорово выручили. Большое спасибо. Я тебе их обязательно верну.

Раздраженный тон твоего письма меня не обидел, ибо я прекрасно понимаю твоё душевное состояние сейчас. <...>

Вчера звонила Кира и сказала мне, что звонил Муратов¹²⁹. Он вышел из больницы и разговаривал с кем-то в Моссовете. Тебе нужно к кому-то в Моссовете зайти или написать. Я точно не понял по телефону. На днях получу от Киры письмо. Там должны быть подробности.

Несколько дней назад я узнал, что командование Краснознаменного Балтийского флота отклонило просьбу журнала «Юность» о моем досрочном отпуске. Сейчас у нас назначен срок экзамена – 12 апреля. Отпустят после этого на следующий день. А на работу надо являться 15-го. Вот, мамочка, и в этом вопросе ты как-то хочешь представить мое поведение в дурном свете. Как будто я уваливаю от поездки во Львов. Честное слово, я с удовольствием приехал бы к тебе и пожил несколько дней, но... Может быть, мне еще и удастся сделать это, не знаю.

Из редакции часто звонят Кирке. Кажется, они довольно определенно планируют повесть на 6-й номер. Переработка первых трех глав их удовлетворила. Кира пишет, что на мое имя пришло приглашение зайти в молодежную секцию Союза писателей. Страшно обидно, что я в это время болтаюсь здесь.

Осталось служить 19 дней. Вчера сдали первый зачет. Предстоит еще один зачет и один экзамен по нашей основной военно-морской специальности – хирургии. Мои успехи в этой

---

¹²⁹ Лицо не установлено.

области крайне ничтожны. Хирургические способности прямо пропорциональны успехам. <...>

Здесь вроде началась весна. Тепло, солнце, ручьи. Лед в заливе потемнел. Все больше приходит в порт судов. Mamочка, жду твоих писем, и не таких, как последнее. Не ищи ты, пожалуйста, во мне второе дно. Я ведь твой сын.

Крепко целую тебя. Поцелуй Антонине.

Вася.

Из письма Василия Аксенова – Евгении Гинзбург

Москва. 7 мая 1960 г.

...Позавчера сдал в редакцию выправленную верстку первых 7 глав. Они должны пойти в № 6, а окончание, еще 4 главы, в № 7. Теперь уже немного времени осталось до выхода журнала, но я все еще волнуюсь и, понятно, буду волноваться до самого выхода. А потом по поводу откликов. Вот так все время и волнуешься...

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. 2 октября 1960 г.

Дорогая мамочка!

Звонила мне несколько раз женщина из Казани с ул. Карла Маркса. В день, когда у нас была назначена встреча, она снова позвонила и сказала, что бюро ей наотрез отказало¹³⁰, т. к. у нее выезжает из Москвы 1 человек.<...>

У нас все в порядке. Кира еще не выписалась. Сегодня две недели, как она там¹³¹. <...> Алешка уже начал прибавлять в весе. Аппетит у него отличный. Почти каждый день мне его показывают в окно. <...>

5/X я уезжаю в творческую командировку в Эстонию, в рыболовецкий колхоз. Это мне нужно для новой повести¹³². Командировку любезно предоставляет «Юность». Пробуду там дней 7–10.

Читала ли ты мой рассказ¹³³ в «Литературке» за 24/IX?

Сейчас пишу по заказу рецензию на одну чешскую пьесу для молодежи. Кончаю небольшой рассказ. Инсценировку закончил. Сейчас читают режиссеры.

Работаю мало. Не знаю, удастся ли так поработать в будущем в обществе Алексея Васильевича¹³⁴.

Познакомился с очень интересными неофициальными поэтами. Недавно собирались. Давно не слышал таких настоящих стихов.

Рад успехам Антонины. Напишу тебе из Эстонии.

Крепко целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Переделкино. Начало 1961 г.

Дорогая мамочка!

---

¹³⁰ Через бюро обмена предполагался обмен львовской жилплощади на московскую.

¹³¹ В родильном доме.

¹³² «Звездный билет».

¹³³ С утра до темноты // Литературная газета. 1960. 26 сентября. № 144.

¹³⁴ Имеется в виду только что родившийся сын Алексей.

Твое письмо, видимо, плутало, потому что я получил его только позавчера. Я еще до отъезда в Дом творчества¹³⁵ дал тебе неправильный адрес. Оказывается, надо было писать – почтовое отделение Баковка.

С Терлецким¹³⁶ я говорил в прошлое воскресенье по телефону. Я еще в самом начале, когда у него появилась мысль разоблачить негодяек¹³⁷, высказался по этому поводу отрицательно. А после получения твоего предыдущего письма еще раз говорил ему об этом. Он сказал, что дело они снова положили в папку обмена на Львов.

Через два дня у меня кончается срок путевки, и я снова зайду в бюро проверю это. Обязательно.

Поработал я здесь очень неплохо. Здесь идеальные условия для работы. Отдельная комната и полная тишина. Закончил повесть¹³⁸, вернее, роман (обнаглел настолько, что назвал ее романом). Вчера получил от машинистки и отдал в редакцию. Страшно волнуюсь. Самому мне она принесла удовлетворение.

Считаю ее шагом вперед после «Коллег». Читали здесь, в Доме творчества, драматург Львовский и поэт Аким. В восторге, но говорят, что трудно проходима. В этом и вся штука. В «Юности» сейчас смутное время. Пока Катаев ушел, а кто будет главным после него – не известно. Сейчас называют две довольно приличные кандидатуры – Михалков и Симонов. Но пока делами вершит С. Н. Преображенский, зам. главного редактора. Ситуация сложная, учитывая постоянные нападки на «Юность» со стороны некоторых весомых органов.

Недавно меня вызывал к себе Георгий Березко, зам. председателя правления Московского отделения СП и предложил подавать в Союз. В конце месяца хочу собрать рекомендации и подать заявление.

Сейчас начал писать сценарий для «Ленфильма». Идет очень туго. Сказывается разрядка после романа. Но все-таки пишу.

Мамочка, в марте ты действительно будешь в Москве? Получается ли что-нибудь у Навроцкого¹³⁹ с двойным обменом?

Как себя чувствуешь сейчас? Как Тонькины успехи?

Я немного отдохнул здесь, но абсолютно недостаточно. Погода слякотная. Зима стояла всего неделю, и в это время я катался на лыжах.

Из «Ленфильма» предлагают место в Д. творчества в Комарово, но куда же поедешь, когда дома такая петрушка¹⁴⁰.

Крепко целую.

Твой сын.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Таллин. 31 июля 1961 г.

Дорогая мамочка!

Рад был получить твою открытку. Здесь говорят, что в Риге погода наладилась. У нас два дня более-менее, но на август прогноз тяжелый.

---

¹³⁵ Переделкино.

¹³⁶ По-видимому, работник бюро обмена жилплощади.

¹³⁷ Имеются в виду львовские квартирные неурядицы Е. Гинзбург.

¹³⁸ «Звездный билет».

¹³⁹ По-видимому, работник львовского бюро обмена жилплощади.

¹⁴⁰ Имеется в виду болезнь Киры.

Съемки идут медленно, Зархи¹⁴¹ нервничает. Сегодня весь день торчали на пляже, а сняли всего два дубля. Дело не только в погоде. Группа еще не раскачалась, и обстановка мало располагает, всем хочется бездельничать.

Мне в первую очередь, но все-таки приходится работать. Последний вариант режиссерского сценария ужасающий. Я переписываю каждый эпизод непосредственно перед съемками. Твою остановку здесь можно будет устроить. Телеграфируй перед приездом или позвони палас 117. Звонить лучше утром до 10. Читала ли статью Юрия Бондарева в «Литературке»?¹⁴² Я очень рад этому дружественному выступлению. После такого запева плеваться будет труднее, но плеваться все-таки будут. Это точно. Недавно в «ЛиЖи»¹⁴³ Дымшиц¹⁴⁴ мимоходом бросил, что «Аксенов ... далек от идейной четкости». Стасик¹⁴⁵ написал мне, что и в «Литературке» статью Бондарева они проббили с большим трудом.

Сегодня было письмо от Киры. Мой Кит¹⁴⁶ здоров и бодр и день-деньской кричит «га-га-га». Точную дату возвращения в Москву я еще не могу определить. Это будет зависеть от того, когда снимут важнейшие для меня сцены.

Крепко целую тебя.

Твой Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Ноябрь (?) 1961 г.

Дорогая мамочка.

Прости меня за тот последний вечер перед отъездом. Такое со мной иногда бывает. Но, в общем-то, кажется, я не допустил никаких выходов. Я был очень возбужден, и все. К тому же я знал, к чему я возвращаюсь, и, в общем, музыка, вино и трепотня были мне тогда нужны.

Вернулся я к тому, что и ожидал. Сразу попал в московский барабан, который крутится без остановки. Каждый день работа над сценарием «Звездного билета» и каждый вечер диспуты. Дома очень трудно. Слава Богу, что Лешка с приездом Киры сразу стал поправляться. Писать, разумеется, не могу ни строчки. Вчера сделал объявление о комнате.

10 декабря еду на студию в Ленинград, потом в командировку от «Известий». Сейчас имеются кое-какие благоприятные симптомы, но в личных делах я делаю ошибку за ошибкой. Может быть, в следующем письме расскажу.

Мама, я забыл «Тарусские страницы»¹⁴⁷ и синюю рубашку. Был бы тебе очень благодарен, если бы ты прислала эти вещи. На премьеру¹⁴⁸ во Львов я, конечно, приехать не смогу.

Что нового? Привет всем многочисленным знакомым. Посылку О. Н.¹⁴⁹ я передал.

Поцелуй Тоньке.

Твое лекарство сегодня собираюсь заказать. Апельсинов пока не видел.

Крепко целую.

Вася.

---

¹⁴¹ Александр Григорьевич Зархи (1908–1997) – кинорежиссер и сценарист, режиссер фильма «Мой младший брат» по повести Аксенова «Звездный билет».

¹⁴² По-видимому, благожелательный отзыв о «Звездном билете».

¹⁴³ «Литература и жизнь» – газета Союза писателей.

¹⁴⁴ Александр Львович Дымшиц (1910–1975) – советский литературовед, литературный и театральный критик.

¹⁴⁵ Станислав Борисович Рассадин (1935–2012) – литературный критик, литературовед.

¹⁴⁶ Домашнее прозвище сына Алексея.

¹⁴⁷ Альманах, изданный в Калуге в 1961 г. под патронажем Константина Паустовского, вызвал резкую критику литературного начальства и партийных органов.

¹⁴⁸ Постановка по пьесе «Коллеги» (совместно с Ю. Стабовым) в Украинском драматическом театре им. М. Заньковецкой.

¹⁴⁹ Олег Николаевич Сталинский (1906–1990) – ведущий солист Львовского театра оперы и балета (указано Игорем Введенским).

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Южно-Сахалинск. 24 декабря 1961 г.

Дорогая мамочка!

Наконец-то я выбрал свободный час и пишу тебе письмо, что давно уже хотел сделать. Надеюсь, ты не очень на меня сердисься. Ты представляешь, как я закрутился в Москве сразу после возвращения из Львова. Уходил утром, а возвращался поздно ночью. 12 дней подряд мы с Мишей Анчаровым корпели над сценарием «Звездного билета». Чтоб я еще раз ввязался в бодягу по экранизации своей вещи! Дошел уже до того, что соглашался со всеми безумными предложениями Зархи. Приходит, к примеру, он и говорит, что неплохо было бы ввести в фильм тему жены Лумумбы¹⁵⁰. О'кей, будет вам жена Лумумбы. Ночью звонок – Вася, знаете, пожалуй, лучше будет заменить жену Лумумбы девушкой из Хиросимы. О'кей, завтра будет сделано. Вот такие были дела. Не знаю, запустили ли его в павильонные съемки. Я уехал до этого.

Шли бесконечные встречи и диспуты. Не обошлось и без скандала. Я не приехал в один клуб, вернее, приехал вместо этого в другой. Обиженные написали письмо в Союз. В «Московском литераторе» напечатали это письмо и мой ответ, по поводу которого вся шарага ужасно веселилась.

9-го меня вызвали на «Ленфильм», на худсовет по кинопробам. 3 дня торчал в Ленинграде. Там меня ждал «приятный» сюрприз. Дело в том, что там образовалось творческое объединение, и наша картина попала к новому хозяину. Снова начался разговор о сценарии. Короче, в 1-й декаде января придется снова ехать в Ленинград и торчать там не меньше недели. Может быть, прямо оттуда заскочу во Львов.

В Ленинграде я немного подправил свое угрожающее финансовое положение – подал заявку на новый сценарий. Сорвал аванс. Вернулся из Ленинграда 12-го, а 14-го улетел на Сахалин.

Полет был хороший. Из Москвы до Хабаровска без посадки. На Ту-114 за 8 часов. Здесь я сделал глупость – торчал в Хабаровске 3 дня неизвестно зачем. Это неинтересный провинциальный и морозный город. С 19-го я на Сахалине. Вот здесь очень интересно. Жалею только, что прилетел зимой и времени мало.

За это время, кроме Южно-Сахалинска, побывал в Корсакове и Холмске. Не знаю, что буду писать для «Известий», но для себя повидал кое-что. Возможно летом приеду сюда на более долгий срок. Лечу обратно через два дня. Наверное, когда ты получишь это письмо, я буду уже в Москве. Очень соскучился по Киту. Мы очень мало видим друг друга. Перед моим отъездом сюда Киту опять не повезло – он схватил воспаление ушей, правда в легкой форме. Кололи его, беднягу, пенициллином. Он стал очень забавным. На вопрос, кого ты любишь, твердо отвечает «папку» <...>.

Рад, что премьера¹⁵¹ во Львове прошла успешно. Очень позабавил меня роман Тоньки и Андрея, а также роман Марка и Наташи¹⁵². Какие там еще романы среди знакомых?

Рассказ Марка еще не показывал, что-то не хочется мне его показывать. Но покажу после приезда.

Мамочка, тут за мной пришли, поэтому кончаю. Крепко тебя целую. Поцелуй Тоньке. Привет Олегу Николаевичу, Брендорфу¹⁵³ и всем остальным.

¹⁵⁰ Патрис Лумумба (1925–1961) – первый премьер-министр Демократической Республики Конго, просоветской ориентации, был убит в результате политической борьбы за власть.

¹⁵¹ Постановка «Коллег». См.: предыдущее письмо и прим.

¹⁵² Андрей, Марк, Наташа – львовские знакомые Е. Гинзбург, сверстники Антонины.

¹⁵³ Львовские друзья Е. Гинзбург: Олег Николаевич Сталинский (см. прим. к предыдущему письму) и Брендорф – врач,

Твой Васька.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Гагра. 6 (?) октября 1962 г.

Дорогая мамочка!

Вот мы уже неделю в Гагре. Прилетели сюда 30/IX. Погода все время была хорошая, но последние три дня облачно. В общем отдыхаем хорошо и даже весело, может быть, слишком весело, т. к. я приехал сюда работать, а работы почти не получается.

Начинаю сейчас пьесу¹⁵⁴ для «Современника», давно ее ждут от меня. Не знаю, что получится, но задумка, по-моему, интересная. Пьеса сатирическая. Кажется, я тебе о ней рассказывал в прошлом году.

Здесь в Доме творчества сейчас полно народа, в основном это юристы и стоматологи, да и еще масса танцоров. По вечерам легкий флирт и беседы о культуре личности. По сравнению с прошлым годом в Гагре перемены – ул. Сталина переименована в Курортную, а ул. Джугашвили в Школьную, но бронзовый монумент Дяди Джо все еще возвышается и под ним фотографируются туристы из Нагорного Карабаха.

Будем здесь до 23/X. Не знаю, удастся ли заехать во Львов. Может быть, но слишком много дел в Москве и Ленинграде. Одно из них переезд на новую квартиру.

За эту неделю очень соскучился по Киту. Берта¹⁵⁵ написала, что он стал совсем большой. Мамочка, напиши сюда, что у вас нового, все ли в порядке.

Целую тебя.

Твой Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва. Декабрь 1962 г.

Дорогая мамочка!

<...> В ноябре чуть было не попал к тебе во Львов. Меня пригласили венгры на премьеру «Коллег» в Будапешт. На обратном пути хотел остановиться во Львове, но оказалось, что не хватает времени для оформления бумаг (они поздно прислали приглашение), и теперь поездка в Венгрию перенесена на январь.

Через несколько дней я уезжаю в Японию в составе делегации писательской. Это, конечно, тебя удивит, меня самого это удивляет. Летим мы втроем: латышский писатель Лукс¹⁵⁶, глава делегации, я, член делегации, и Ирина Львовна Иоффе, консультант по Японии на иностранной комиссии. Между прочим, Ирина Львовна вместе с тобой пребывала некоторое время в санатории Эльген¹⁵⁷, ее освободили в 42-м году. Может быть, ты ее помнишь? Пробудем мы в Японии, кажется, недели три. Сейчас как будто все уже оформлено, ждут японской визы. Мы сделали уже прививки от холеры и от оспы, потому что летим через Индию. Путь такой – Ташкент, Дели, Бангкок, Гонконг, Токио. Потрясающее путешествие, не правда ли?

Все, кто был в Японии, от нее в восторге.

Уже пару недель мы живем в новой квартире. Сделано у нас все довольно симпатично, моя комната прямо модерн, но, в общем, квартирка довольно тесная, а что будет, когда еще появится домработница? Короче, опять я почти не могу работать дома, да и вообще работать

живший по соседству (указано И. Введенским).

¹⁵⁴ «Всегда в продаже».

¹⁵⁵ Берта Ионовна, теща В. Аксенова.

¹⁵⁶ Валдис Лукс (1905–1985) – латвийский советский поэт.

¹⁵⁷ Женский исправительно-трудовой лагерь в Ягоднинском районе Магаданской области.

в Москве очень трудно, масса всяких дел, важных и пустяковых, сейчас я стал членом редколлегии «Юности». В Гагре я писал пьесу, а после возвращения оттуда не написал ни одной страницы, а в голове масса задумок. Придется зимой опять уезжать куда-нибудь, чтобы писать.

Апельсинчики¹⁵⁸ сданы в набор, кажется уже преодолены все препоны, и они, должно быть, выйдут в январском номере. Ленинградская картина¹⁵⁹ заканчивается. Видала ли ты «Младшего брата»?¹⁶⁰

В общем дела как будто неплохи, но самое главное дело – писанина тонет в суете.

Если мы полетим, то еще до конца этого месяца и тогда я пришлю тебе письмо уже из Японии.

Целую тебя крепко и Тоньку.

Привет от наших.

Вася.

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Переделкино.

10 сентября 1964 г.

Дорогая мамочка!

Как-то так нелепо получилось, что я не знал твоего летнего адреса и поэтому не писал тебе. Заезжал на 1 день в Ленинград, заходил к тете Наташе, но не застал ни ее, ни Димку.

Все лето мы сидели в Кейла-Йоа в 40 км от Таллина. Сначала все было отлично и погода сносная, Кит купался, загорал. За неделю до отъезда мы все по очереди заболели каким-то противным гриппом, и конец лета этим был испорчен.

Весь июль я писал как бешеный, написал 5 рассказов¹⁶¹, около 6-ти листов. Сейчас отдам их читать в «Новый мир» и в «Юность».

Сейчас сижу в Переделкино, вожусь над сценарием по старым рассказам («Папа, сложи», «Завтраки 43-го года», «На полпути к луне»). Нужно сделать из них единый сценарий¹⁶².

В октябре, должно быть, буду в Одессе. Кажется, я говорил уже тебе о комедийной бригаде под руководством Г. Данелия, в нее входят, кроме меня, В. Ежов¹⁶³, Ю. Казаков, В. Конецкий¹⁶⁴. Вот мы все, значит, отправимся в Одессу и будем там что-то такое странное созидать. Не знаю, что из этого получится¹⁶⁵.

Сообщи, будешь ли ты в течение октября во Львове, т. к. я хочу на недельку приехать к вам из Одессы.

Москва полна слухами о твоих мемуарах¹⁶⁶. Все интеллигенты подходят ко мне с просьбами предоставить экземпляр. Те, что читали, очень высокого мнения. Нагибин выразил мне

¹⁵⁸ Повесть «Апельсины из Марокко» опубликована в январском номере «Юности» за 1963 год.

¹⁵⁹ «Когда разводятся мосты» – художественный фильм по сценарию В. Аксенова режиссеров Виктора Соколова и Семена Деревянского («Ленфильм», 1962).

¹⁶⁰ Фильм «Мой младший брат», экранизация «Звездного билета».

¹⁶¹ «Дикой», «Местный хулиган Абрамашвили», «Товарищ красивый Фуражкин», «Маленький Кит, лакировщик действительности», «Жаль, что вас не было с нами».

¹⁶² Имеется в виду сценарий фильма «Путешествие» по рассказам Василия Аксенова. В киноновелле «На полпути к Луне» снимался сам автор (указано Андреем Куликом).

¹⁶³ Валентин Иванович Ежов (1921–2004) – сценарист кинофильмов «Баллада о солдате», «Крылья», «Чистое небо».

¹⁶⁴ Виктор Викторович Конецкий (1929–2002) – писатель, сценарист.

¹⁶⁵ Сценарий кинокомедии было задумано писать сообща, но вместо работы «сценаристы» ударились в загул. А в какой-то момент осознав это, разъехались в разные стороны.

¹⁶⁶ Первая часть «Крутого маршрута»; будет отклонена журналами «Новый мир» и «Юность», разойдется колоссальным количеством экз. в самиздате и попадет наконец на Запад, где будет опубликована сначала в Милане, а затем во Франкфурте-на-Майне и многих других издательствах, в том числе в Нью-Йорке. Полный текст книги будет опубликован в Милане в 1979 г., в Советском Союзе – в 1988 г. во время перестройки.

огромное удовольствие от мемуаров и просил тебе передать. Слышно ли что-нибудь из «Нового мира»?

Вчера навестил я Толю Гладилина¹⁶⁷. Его постигла неудача – на выезде из Риги он вдребезги расколол свой «Запорожец» и сам только чудом остался жив. Сейчас пришел в себя после страшных ушибов. Передает привет тебе и Тоньке.

Режиссер же мой по имени «Стальная птица»¹⁶⁸ по дороге из Таллина свалился в Ленинграде в больницу с нервными припадками. Жду его возвращения и вместе с ним денег за сценарий, сижу сейчас абсолютно на мели. Просто даже странно.

Крепко целую, жду письма.

Вася.

Василий Аксенов – Евгении Гинзбург

Москва 10 марта 1965 г.

Дорогая мамочка!

Конечно, опять я себя каждый день корю за лень к переписке и каждый день утешаю себя, что ты, зная мой идиотский образ жизни, не особенно сердишься.

В общем, за это время я все-таки смог немного поработать в Дубултах¹⁶⁹. Написал довольно большой кусок пьесы¹⁷⁰ и маленький рассказ под скромным названием «Победа»¹⁷¹, об игре в шахматы. Образ жизни вел очень умеренный, совсем не пил, очищался от московской скверны на лыжах под солнцем на заливе и в лесу.

К сожалению, пришлось через 2 недели ехать в Москву, ибо я был делегатом этого исторического съезда¹⁷². Здесь мы встретились с Женей¹⁷³, Витей Конецким, Казаковым и провели несколько дней вместе. Съезд прошел интересно, много было содержательных философских выступлений, ораторы касались сокровенных тайн творчества.

Сейчас безвылазно торчу в театре. Спектакль подходит уже к завершающей фазе. Вчера был первый самый черновой прогон. По-моему, будет занятно. К сожалению, до сих пор не ясна реакция руководства на нашу работу. Все это должно выясниться в ближайшие две недели. Я тебе тогда обязательно сообщу.

Какие новости? Как здоровье? Какую роль репетирует сейчас Тоня?

Да, насчет поездки в Чехословакию пока ничего не ясно, осточертели мне все эти туманности и вся эта жалкая возня вокруг этих т. н. «выездов».

Тут продолжается активный поток приветствий в твой адрес через меня, а в это время я окончательно потерял след третьего экземпляра¹⁷⁴. Куда он попал?

Как тебе понравился 1-й номер «Нового мира»?¹⁷⁵

Хороший роман написал Джон Апдайк¹⁷⁶ под названием «Кентавр», правда?

Итак, целую, обнимаю, надеюсь на скорую встречу на премьере.

---

¹⁶⁷ Анатолий Тихонович Гладилин (р. 1935) – в шестидесятых годах один из талантливых и перспективных молодых советских писателей.

¹⁶⁸ Шутливое прозвище Владимира Петровича Дьяченко (1934–1998) – режиссера Одесской киностудии.

¹⁶⁹ Писательский дом творчества в Юрмале.

¹⁷⁰ Пьеса «Твой убийца» будет окончена в 1966 г., но не опубликована.

¹⁷¹ Рассказ будет опубликован в июньском номере «Юности» за 1965 год.

¹⁷² II съезд писателей РСФСР.

¹⁷³ Евтушенко.

¹⁷⁴ Имеется в виду машинопись «Крутого маршрута» (см. письмо из Переделкино от 10.09.64 и прим.).

¹⁷⁵ Январский номер «Нового мира» был юбилейным (сорокалетие журнала). В статье А. Твардовского подчеркивалось, что публикуемые в журнале авторы «стремятся следовать правде жизни, а не предвзятым, заранее заданным представлениям о ней». Это являлось открытым вызовом партийному руководству литературой.

¹⁷⁶ Джон Апдайк (1932–2009) – классик американской литературы XX века.

Твой Вася.

Василий Аксенов – Евгению Гинзбург

Новгород. 30 марта 1965 г.

Дорогая мамочка!

Пишу тебе из Новгорода, куда сбежал на несколько дней отдохнуть и успокоить нервы. Весь март я провел в театре, в подготовке к выпуску, измотался окончательно – ночные и утренние репетиции, работа над текстом, алкоголь, трепотня, очаровательная семейная жизнь.

Дважды «прогнали» спектакль в костюмах и с декорациями, первый раз 22-го ночью, второй раз на следующий день утром. На утренний прогон явились начальники из Управления театров, Министерства и МК¹⁷⁷, кроме того, было некоторое количество столичных драматургов и критиков, а также всякая странная публика, всего человек 300.

Не знаю, кто больше трусил, Ефремов или я. Кажется сильнее трусить, чем я, уже нельзя. Первый акт прошел сносно, второй начался тоже сносно, потом на сцене в темноте в самый решающий момент все сломалось. Сломался круг, сломались фурки¹⁷⁸, минут десять в темноте творилось что-то совершенно ужасающее и зловонное. Затем начали играть дальше и выяснилось, что самые важные места совершенно неправильно поставлены, сыграны, растянуты, засушены. Кое-как доиграли до конца.

Реакция на этот позорный прогон в Москве противоречива. Драматурги (большинство) шокированы; критики в основном «за» (некоторые говорят всякие слова – «гениально», «новый этап»); начальство еще не сказало своего решающего слова; часть публики ничего не поняла, другая – восхищена. Ефремов ушел в глубокий клинч, я сбежал в Новгород.

Здесь я уже два дня совершенно один. Отсыпаюсь, гуляю, погода отвратительная. Облазил весь Кремль и Ярославово дворище. Конечно, это поразительный город – среди обычного областного быта и строительства белеют церкви XII–XIV веков и всему венец – София, божественное творение, отойти от которой трудно, голова все время поворачивается к ней.

В Кремле замечательный музей с очень хорошей коллекцией древних икон и картин, от Феофана Грека до Петрова-Водкина.

Новгород давно уже как-то притягивал меня, очень рад, что вырвался сюда, а также что проехал на автобусе через Калинин, Торжок, Вышний Волочек, Валдай.

Завтра схожу еще раз в музей и вечером уеду или в Ленинград или в Москву.

В ближайшие дни начальство должно сформулировать свое отношение к нашему спектаклю, и тогда определится срок премьеры, если таковой суждено быть. Предстоит еще литовка¹⁷⁹ пьесы, вот какое дело. Никогда еще я не отдавал столько сил постановке своих вещей. Смешно, что не получил еще за это ни гроша, если не считать аванс, полученный 1,5 года назад.

Вот такие новости. <...>

---

¹⁷⁷ МК – Московский городской комитет КПСС.

¹⁷⁸ Приспособления для перемещения на сцене декораций.

¹⁷⁹ Получение разрешения из органов цензуры, в данном случае – Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.